

Наталья Шнейдер

16+

Продлема 2

для некроманта

Некроманты Джейма

Наталья Шнейдер

Проблема для некроманта – 2

«Автор»

2022

Шнейдер Н.

Проблема для некроманта – 2 / Н. Шнейдер — «Автор»,
2022 — (Некроманты Джеима)

Он женился на мне, чтобы спасти от инквизиции. Но неизвестный убийца испортил нам медовый месяц. Кто-то очень хочет свести на тот свет двух последних некромантов в городе: нас с мужем. И инквизитор по-прежнему маячит неподалеку, выжидая неизвестно чего.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталья Шнейдер

Проблема для некроманта – 2

Глава 1

Сквозь закрытые веки пробился яркий электрический свет. Я выругалась, отгоняя отчетливое ощущение дежавю¹. Если сейчас рядом опять обнаружится незнакомый мужик, сяду в позу лотоса и начну созерцать свой пуп. Или для разнообразия будет женщина, ведь в это раз меня убил не мужик? Тогда тем более с места не сдвинусь, девочки меня никогда не интересовали.

– Очнулась, – выдохнул рядом кто-то, и я поняла, что ругалась вовсе не про себя. А еще – что горло не болело, и...

Глаза распахнулись сами. Светлые волосы с едва заметным рыжеватым отливом, серые глаза, в которых сейчас отражалось неимоверное облегчение. Винсент! Не веря себе, я коснулась его щеки. Теплый. Живой. Настоящий. Или нет? Забыв обо всем, я начала ощупывать его, точно безумная или слепая. Провела пальцами по бровям, по лбу, зарылась в волосы, снова погладила щеки, чувствуя, как кожу покалывает отросшая за день щетина, коснулась губ. Настоящий?

Он перехватил мои запястья.

– Инга! Ты не в себе? Или забыла? Это я...

«Вижу», – хотела сказать я, но не получилось выговорить ни звука, с дрожащих губ сорвался всхлип. Винсент притянул меня к себе, усадив на край помоста у окна, и я ткнулась лицом в бархат его камзола, захлебываясь слезами и безуспешно пытаюсь унять рыдания.

– Все, – голос его дрожал. – Все хорошо. Все кончилось. Я здесь.

Он баюкал меня как маленькую, прижимал к себе, гладил по волосам, спине, шептал невнятные утешения, а я тряслась, кусая губы, чтобы унять слезы. Безуспешно. Странно, в первый раз меня так не колотило, и когда мы оба чуть не погибли под развалинами, мне удалось не закатить истерику. Или просто всему есть предел, и моя психика исчерпала лимит прочности?

Винсент вдруг замолчал, напрягшись. Я обернулась.

Оказывается, модистка тоже здесь. Полусидела у дальней стены, руки были связаны впереди обрывком зеленого атласа. По скуле расплывался синяк. Женщина шевельнулась, в пальцах появились маленькие ножницы с острыми концами. Винсент, разжав объятия, дернулся – но прежде, чем успел что-нибудь сделать, Корси вонзила ножницы себе в шею, четко в артерию. Кровь выплеснулась фонтаном. Рефлексы сработали прежде разума, я рванулась к модистке – пережать артерию, пока не поздно! Винсент перехватил, снова прижал к себе, уткнув лицом в камзол.

– Не смотри.

– Пусти! – Я дернулась, но объятия мужа превратились в стальные. – Нужно остановить кровь и расспросить...

– Расспросим. Не смотри.

Кого он намеревается расспросить? Труп? Ах, да. Я обмякла, так и не решившись открыть глаза и развернуться. Меня учили лечить. Исследовать тела. Но не молча наблюдать за тем, как живой человек истекает кровью. Хотя вряд ли эта смерть хуже той, что Корси готовила для меня.

¹ . франц. déjà vu – уже виденное – психическое состояние, при котором человек ощущает, что когда-то уже был в подобной ситуации или в подобном месте.

Меня снова затрясло.

– Какое чудо заставило тебя подняться сюда? – спросила я, все еще не отрывая лица от груди мужа.

– Не знаю. Просто вдруг словно толкнуло что-то, а потом увидел, веревку на твоей шее и лицо. – Его заметно передернуло. Да уж, так себе зрелище. – Не глазами увидел, а будто внутри головы. Не понимаю, как...

Значит, перед смертью был не глюк, а мой дар в самом деле тянулся к Винсенту, пытаюсь позвать. И у дара – или у меня – получилось.

– Снял экран и сперва решил, что схожу с ума, потом – что лучше выставлю себя безумцем, чем... – Винсент неровно вздохнул, обняв меня так крепко, что я пискнула. – Еле успел...

– Он добавил совсем другим тоном: – Все.

Я подняла голову, не торопясь разворачиваться.

– За что? Чем я ей помешала?

– Не знаю. – муж извлек из рукава платок, начал осторожно промокать мне лицо. – Расспросим и узнаем.

Он отнял платок от моего лица – белоснежный батист пятнала кровь. А это еще откуда?

– Носом пошла, – ответил он на мое безмолвное удивление.

Ах, да... так бывает. Вот откуда металлический вкус во рту. Я отобрала у Винсента платок, зачем-то стала затирать влажное пятно на камзоле – там, где я прижималась лицом. На черном кровь не выделялась, и все равно...

– Успокойся. – Муж поймал мое запястье. – Вернемся домой и все вычищу. Можно бы и сейчас, но лучше без лишней магии, пока дознаватель здесь все не осмотрит. – Он промокнул кровавое пятно на моей груди, снова сунул платок в рукав. Протянул мне платье.

– Оденься.

Я послушно натянула платье, ругнулась, когда и на нем проступило кровавое пятно. Дознаватель... Ох, получается, еще ничего не закончилось, и неизвестно, когда закончится. Додумать я не успела, от двери донесся истошный визг, так что я подпрыгнула.

– Стоять! – рявкнул Винсент, и я подпрыгнула еще раз. Визг оборвался. – Зайди, закрой дверь, сядь вон на тот стул и молчи.

Ответом ему был мягкий шлепок, точно мешок на пол бросили. Муж выругался. Я, наконец, развернулась к комнате. В ее центре валялась веревка – та самая, – и меня передернуло от одного взгляда на нее. У стены, скрючилась в луже крови модистка. А у входной двери лежала в обмороке девушка, которая нас встретила.

Я поднялась с помоста – похоже, муж уложил меня на него, когда вырвал из рук убийцы. На миг закружилась голова, я замотала ей, дожидаясь, пока пройдет звон в ушах. Тем временем Винсент, не слишком церемонясь, перекинул обморочную девицу через плечо, сгрузил на помост неподалеку от меня.

– Привести ее в чувство? – спросила я.

– Не стоит, пусть полежит тихо. Пригляди за ней пару минут, а то как бы еще каких сюрпризов не случилось.

Он снял с шеи вестника, сказал серебрястому ворону.

– Найди дознавателя Освальда Аргентина. Скажи: госпожа Корси, модистка, пыталась убить жену профессора Винсента Оркана.

Вспышка, ворон исчез. В следующий миг перед нами повис серебристый воробей, и в комнате раздался незнакомый мужской голос.

– Винсент, что за бред? На кой ляд госпоже Корси убивать твою супругу?

– Именно это я и хочу узнать.

– Она ничего не придумала? У новобрачных бывают странные капризы.

– Если удавка на шее теперь называется капризом, то, да, у моей жены действительно странные капризы.

С той стороны выругались.

– Ты сам видел?

– Да. Мы в ателье, рядом с трупом госпожи Корси. Ждем тебя.

– Час от часу не легче! Еду, только вестника инквизиторам пошлю.

Винсент молча вернул на шею артефакт.

– А без инквизиторов никак нельзя? – Я обхватила руками плечи. Снова начало знобить.

– Нет, – Винсент привлек меня к себе. – Корси – слабый, но все же маг, и не имеет отношения к университету. Любые происшествия с магами контролирует инквизиция.

Надеюсь, дознаватель захватит кого-нибудь рангом пониже Клауса. Видеть его тощую морду не хотелось. И без того на сегодня достаточно неприятных ощущений. Я машинально потерла шею. Что-то было не так, и понадобилась пара секунд, чтобы сообразить: на коже не осталось ни следа от удавки.

– Какого? – я ругнулась, снова ощупывая шею. – Где борозда?

Винсент отвел мои руки от горла.

– Я залечил. Не ищи следов, их нет.

– Зачем? – ахнула я. – Теперь же никаких доказательств!

Он помрачнел.

– Знаю. Может быть, опытный целитель и смог бы восстановить хрящи гортани, не тронув всего остального, чтобы оставить доказательства. Но мой дар не целительство и...

– Прости. – Я опять ткнулась лбом ему в плечо. – Ты спас меня, а я даже не поблагодарила. Снова спас.

– Не за что ни извиняться, ни благодарить.

Какое-то время мы молчали, обнимая друг друга. Не знаю, о чем думал Винсент, у меня в голове не осталось ни одной мысли. Как будто я до сих пор не могла переварить происшедшее. Да что же меня так развезло, как будто в первый раз убивают! Я хихикнула – пора, как Мюнгаузену, добавлять в список дел на сегодня необычный пункт. Только у того – подвиг с утра, а у меня – пережить попытку убийства. Я снова хихикнула, вцепилась зубами в собственную ладонь, поняв, что еще немного – и начну хохотать, как припадочная, а потом за смехом рванутся слезы. Винсент по-прежнему молча прижал к себе еще крепче и так и держал, пока я не смогла нормально дышать.

Потом у меня за спиной зашуршало, раздался стон. Я оглянулась. Служанка растерянно вытаращилась на нас, приподнялась на локте, озираясь. Глаза ее расширились, рот раскрылся...

– Тихо, – сказал Винсент, вроде бы не повышая голоса, но служанка мигом захлопнула рот. – Твоя хозяйка наложила на себя руки. Мы ждем инквизиторов и университетского дознавателя.

– Но я ничего не... – залепетала девушка.

– Поэтому ты сейчас будешь сидеть тихо и ждать. Как только они поймут, что ты ничего не знаешь, отпустят. Но пока тебе нельзя никуда уходить и ничего трогать. Поняла?

Девушка закивала, быстро, как болванчик.

– Можешь подвинуться к окну и смотреть в него.

– Но мне нельзя сидеть при... – спохватилась служанка, вскакивая. Снова побелела и пошатнулась, когда в поле ее зрения оказалось тело.

– Предпочитаешь лежать в обмороке? К окну, быстро, спиной к комнате.

Она послушалась, придвинулась к окну и замерла, еле дыша. Только плечи тряслись и время от времени раздавались судорожные всхлипы. Да уж, смотри-не смотри по сторонам, а

запах никуда не денется. Комната провоняла кровью, точно мясная лавка. Я-то привычная, да и Винсент наверняка видывал и похуже, а вот девчонка...

Но выпускать ее из комнаты не стоило. Конечно, вряд ли служанка заодно с хозяйкой. Но она наверняка побежит плакаться подружкам, через пять минут весь квартал будет знать, зеваки соберутся, и хорошо если вокруг дома, а вдруг и в дом ломиться начнут? Опять же, родственники, кредиторы, клиентки. Квартал небедный, клиентки могут оказаться и соседками. Сбегутся в дом, затопчут все. Начнутся вопросы, кто мы такие и что тут делаем, на которые неизвестно, что отвечать. Словом, пусть пока все остается, как есть.

Снова повисло молчание, прерываемое лишь всхлипываниями служанки. Мы с мужем по-прежнему сидели, обнявшись, на краю помоста. Дрожь потихоньку прошла, навалилась апатия, глаза начали закрываться. Еще немного – и засну, перегруженный событиями мозг просто отключится, не в состоянии переваривать информацию.

– Подреми, если можешь, – шепнул мне Винсент. – День был длинный, а вечер, похоже, будет еще длиннее.

Служанка с ужасом оглянулась на нас. «Как можно даже говорить о сне рядом с окровавленным телом», – читалось на ее лице. Спohватившись, снова уставилась в окно – слугам наверняка не положено прислушиваться к господским разговорам. Как будто человека в самом деле можно заставить не слушать.

– А ты? – Я подняла голову, заглядывая ему в лицо. – У тебя тоже денек выдался тот еще.

– Я, по крайней мере, отлично выспался с утра, – улыбнулся Винсент. – Так что не беспокойся.

Ответить я не успела: служанка прижалась носом к стеклу:

– Приехали! Карета, и еще одна! Пойду, встречу...

– Сиди, – сказал ей Винсент. – Сами зайдут.

Точно подтверждая его слова, где-то внизу хлопнула дверь. Меня снова затрясло – а вдруг этот дознаватель не поверит, не говоря уж об инквизиторе? Доказательств-то нет. Есть труп с синяком на пол-лица и связанными руками, лежащий в крови. И есть я, на которой ни царапины, зато по лифу платья расплывается кровь. И на камзоле Винсента тоже пятно. Поди докажи, что это не я или он пырнули несчастную ножницами, предварительно избив. Ну, то есть в моем мире все было бы очевидным хотя бы потому, что кровь на нашей одежде совпадет с моей, но здесь-то вряд ли даже группу определяют, не говоря обо всем остальном.

Снизу раздались взволнованные голоса. Интересно, а там-то что не так? Впрочем, сейчас узнаем.

Винсент разжал объятия, я выпрямилась, заставила себя расправить плечи. Выпустить руку мужа, правда, так и не смогла. Только бы нам поверили!

Глава 2

На лестнице раздались шаги, дверь открылась. Первым вошел мужчина, возраст которого мне навскидку определить не удалось. Лет тридцать, если смотреть только в лицо, но седые виски накидывали еще десятка полтора, а заглянув в глаза, можно было и еще один десяток добавить.

– Теперь понятно, почему там на потолке кровь, – заявил он вместо приветствия. Поклонился изящно, точно на балу. – Винсент, представь меня своей жене.

– Освальд Аргентин, университетский доцент. Моя жена Инга Оркан.

– Счастлив знакомству, госпожа, хотя его обстоятельства оставляют желать лучшего, – снова поклонился он.

– Взаимно. – Я вернула поклон.

Выпрямившись, поймала на себе яростный взгляд генерала инквизитора, входящего в комнату. Да что ты будешь делать, опять сам явился! Что у них за манера по любому поводу начальство звать? Ладно, когда факультет взорвали, по такому случаю и министр может явиться, изображать бурную деятельность. А сейчас-то? Хотя если госпожа Корси – местная Коко Шанель... Ну почему, почему я вечно оказываюсь по уши в неприятностях? Вот чуяла же, надо домой ехать, подождали бы платья!

Клаус тоже не стал тратить время на приветствия.

– Снова ты! Что ты натворила в этот раз?

– Я тоже рада вас видеть, господин генерал-инквизитор, – мило улыбнулась я, сильнее сжимая пальцы мужа.

Следом за инквизитором вошли еще двое, с почти одинаковыми папками в руках. Лохматый парень пододвинулся ближе к доценту, белобрысый мужчина замер за спиной инквизитора.

Тот оглядел комнату, присвистнул.

– А это еще кто? – длинный палец с выраженными суставами ткнул в сторону служанки. Девчонка побелела.

– Я работаю... работала у госпожи Корси...

– Служанка, – спокойно произнес Винсент. – Клаус, не пугайте девушку, она ни при чем.

– Это мне решать, – инквизитор обернулся к Освальду. – Господин доцент, я настаиваю на том, чтобы разделить подозреваемых и допросить по одному. Я бы начал с женщины, а вы, например, – со служанки. Потом просто обменяемся показаниями, чтобы дело пошло быстрее.

Доцент поморщился, но прежде, чем успел сказать хоть слово, вмешался Винсент:

– Нет. – Он крепче сжал мою руку. – Как единственный законный представитель своей жены, я против. Генерал-инквизитор очень настойчиво ее преследует по неведомой мне причине, и я не оставлю Ингу наедине с ним.

– На что вы намекаете?! – взвился инквизитор.

– Я не намекаю, а говорю прямо: с момента первой встречи вы засыпаете Ингу нелепыми обвинениями. Я не позволю вам ее запугивать или любым другим методом принуждать признаваться в том, чего она не совершала.

– Клевета! Я лишь делаю то, что обязан делать! И вы не можете защищать ее интересы, будучи подозреваемым в убийстве!

Винсент приподнял бровь.

– А вы уже решили, что это убийство? Не осмотрев труп и не расспросив свидетелей?

– Будучи свидетелем, тоже не можете защищать интересы тех, кто замешан в деле вместе с вами.

Дознаватель, с любопытством наблюдавший за перепалкой, решил, наконец, вмешаться:
– Бросьте, Клаус. Даже если все было не так, как сообщил нам профессор Оркан, вы полагаете, что они с женой не успели обо всем договориться, пока мы сюда ехали? За это время можно было и труп припрятать, и самим сбежать на край света.

– И все же я настаиваю.

– Хорошо, – пожал плечами Винсент. – Если вам не жаль своего и нашего времени, я пошлю... скажем, за профессором Стерри. Или за Ноем Дрейком. Я доверяю и тому и другому, да и вы знакомы с обоими.

На лице инквизитора появились сомнения, и тут снова подал голос дознаватель:

– Нам в любом случае понадобятся свидетели, когда дело дойдет до расспроса тела. Так что я не против послать за ними. Но я категорически против того, чтобы терять время, по два раза расспрашивая одного и того же человека. Беспокоить старика, наверное, не стоит, так что я бы отправил вестника к Ною Дрейку, а пока он едет, мы с вами, Клаус, могли бы расспросить, например, профессора.

– И оставить женщин без присмотра?

– Парни приглядят. Думаете, они не справятся с двумя девицами?

Клаус ругнулся себе под нос и махнул рукой.

– Хорошо, не будем никого беспокоить. Они действительно наверняка успели сговориться.

– А наши помощники могут быть и свидетелями, верно? – доброжелательно улыбнулся Освальд. – В самом деле, почему бы нам не обменяться записями. Ваш помощник засвидетельствует мои и наоборот. Или будем искать грамотных соседей, чтобы стали свидетелями?

Инквизитор махнул рукой с видом «делайте что хотите», казалось, потеряв ко мне всякий интерес. Словно ему очень хотелось допросить – или в самом деле запугать – меня без посторонних, а когда это не удалось, стало неважным и все остальное.

Или у меня паранойя? Вполне может быть, учитывая обстоятельства. От этого типа я готова ждать любой пакости. Знать бы, за что он на меня так взъелся.

– Тогда начнем с осмотра? – дознаватель потер руки, словно предвкушая нечто интересное.

У меня в голове сами собой начали складываться строчки полицейского протокола: «Местом осмотра является комната, расположенная на втором этаже трехэтажного дома...» Да уж, куда как интересно.

Вместо ответа инквизитор ткнул пальцем в сторону служанки:

– Ты! Говоришь, работаешь здесь? Что тут было?

Оба помощника раскрыли папки, достали самописки и начали строчить.

– Работаю, господин, – прошептала девушка, глядя в пол.

– Расскажи, что произошло? – перехватил инициативу дознаватель. – Не бойся, милая. Никто тебя ни в чем не винит.

Девушка шмыгнула носом и начала говорить, сбивчиво, то и дело повторяясь. Рассказ ее трудно было назвать информативным. Пришли господа, она подала чай, занялась другими делами. Потом забеспокоилась, что хозяйка долго не зовет, поднялась. Увидела. Стало дурно...

– Девчонка действительно ни при чем, – с явной неохотой согласился инквизитор, когда она замолкла.

– Ну так пусть идет себе, – пожал плечами дознаватель. – Подписать бы, конечно, надо... Умеешь?

Она замотала головой.

– Если позволите, я мог бы прочитать девушке записанное с ее слов, – подал голос Винсент. – Поставит крестик или что там, а ваши парни завизируют, так же, по очереди.

– Пожалуйста! – дознавателя, кажется, совершенно не смущала недовольная морда инквизитора. Чуть склонив голову он наблюдал, как Винсент негромко читает девушке протокол, как та неловко выводит крестик сперва на одном, потом на другом листе, как следом за ней обмениваются подписями парни.

– Можешь идти, милая, – ласково сказал, наконец Освальд. – Возвращайся в свою комнату и до утра молись Предвечной за упокой души твоей хозяйки. До утра никуда не ходи и ни с кем не разговаривай, поняла?

– Да, господин, – отвесив поклон, девчонка порскнула прочь.

С лица дознавателя исчезла мягкость.

– Учитывая, что я еще не расспросил вас, профессор, и вашу супругу о взрыве в университете, беседа затянется. Начнем с осмотра. К слову, где следы от удавки?

Я вздрогнула, невольно уставившись на веревку, которая до сих пор валялась на полу.

– Думаю, на руках Корси они остались, – пришел мне на помощь Винсент. – Когда я отшвырнул ее и сорвал удавку с шеи Инги, дыхание не восстановилось. Беглое обследование показало, что сломаны хрящи гортани, это повлекло за собой отек. Выбор между жизнью жены и желанием получить подтверждение своих слов для меня очевиден, а для вас?

Дознаватель кивнул.

– Возможно. Откуда кровь на платье?

– Пошла носом. Так нередко бывает при удушении.

– Лицо чистое.

Муж выудил из рукава платок, встряхнул, разворачивая. Неторопливо убрал обратно.

– А на вашем камзоле?

Винсент отряхнул грудь, как будто это могло убрать пятно.

– Обнимал жену, успокаивая.

– Вы ему верите? – встрял инквизитор.

– Я не играю в «верю-не верю». – отрезал Освальд. – Я собираю информацию. Выводы буду делать потом.

Он снова огляделся.

– Так кто будет диктовать протокол осмотра? Вы, Клаус, или я?

– Бессмысленная трата времени, – фыркнул инквизитор.

– Значит, я.

Он жестом велел нам с Винсентом отойти в пустой угол у окна и начал диктовать. Лохматый лихорадочно строчил, белобрысый зевал, как и его начальник. Трата времени, значит. Чему их там вообще учат в инквизиции? Развязывать языки пытками? Меня передернуло. Нет уж, лучше наблюдать за работой дознавателя.

Мне много раз приходилось присутствовать при осмотре места происшествия – пожалуй, Освальд мог бы заниматься этим и в наше время. Даже странно.

– У него своя система, – шепнул мне на ухо Винсент, неправильно истолковав мой интерес. – Освальд работает на университет, но основной его доход – от богатей, которые приглашают его, когда нужно деликатно решить какую-то проблему.

– Вроде некстати умершего дядюшки? – шепнула я в ответ.

– Нет, к некстати умершим дядюшкам зовут меня. Впрочем, иногда и нас обоих.

Мы снова замолчали, продолжая наблюдать. Закончив с комнатой, дознаватель присел у края лужи крови рядом с телом. Трогать покойницу не стал – я разочарованно покачала головой. На мой взгляд, самое интересное только начиналось. Но если этот человек в самом деле настолько проницателен, что зарабатывает как частный детектив-консультант, мне лучше быть тише воды и ниже травы. Хотя, вон, с Винсентом этот номер не прошел.

Повинуясь жесту Освальда, лохматый протянул нам листы с записями. Винсент так же негромко прочитал их для меня – слово в слово то, что диктовал до сих пор дознаватель.

Инквизитор продолжал со скучающим видом разглядывать комнату, крутя в пальцах портновский мелок. Когда он успел его подобрать? Наверное, пока я следила за работой Освальда.

Встретившись со мной взглядом, Клаус бросил мелок на помост к паре еще таких же и со скучающим видом уставился в окно. Кто знает, что он там разглядывал – солнце давно село, добропорядочные граждане позакрывали ставни, даже на верхних этажах, и окна казались черными. Надо же, а я и не заметила, что в комнате давно горят магические светлячки. Настолько была поглощена собственными переживаниями. Нет, надо брать себя в руки.

Винсент вернул бумаги лохматому, тот тут же протянул их помощнику инквизитора, который черкнул что-то поверх не читая. Дознаватель неодобрительно покачал головой, но промолчал. Обернулся к нам.

– Профессор, сделаете одолжение, поднимете тело? Кроме вас и вашей жены заняться этим некому.

Инквизитор снова взвился в стойку.

– Где гарантии, что некромант не заставит мертвеца говорить то, что выгодно ему самому?

Винсент демонстративно вздохнул.

– Генерал-инквизитор, если бы вы учились в нашем университете, я спросил бы, что вы делали на занятиях по общей теории магии. Возможно, столичные коллеги относятся к ним менее серьезно. Мертвеца можно заставить делать то, что нужно заклинателю, но его нельзя заставить лгать. У него нет для этого души.

Он огляделся.

– За неимением стола положим на пол. Середина комнаты подойдет.

Глава 3

Дознатель повел рукой, тело приподнялось над полом, проплыв к центру комнаты. Юбка сдвинулась, и стало видно, что и на лодыжках у покойницы узел из тканевого лоскута.

– Кто связал ее? – поинтересовался Освальд.

– Я. – Винсент перерезал лоскут ткани на запястьях тела. – Чтобы не гадать, успею ли заметить, если она решит двинуть меня по затылку чем-то тяжелым, пока занимаюсь женой. Влетел, увидел, оглушил, сорвал с шеи Инги удавку, связал эту, чем под руку попало, вернулся к жене, обнаружил, что она снова задыхается, о дальнейшем я уже рассказывал.

Он взял с помоста один из валяющихся там мелков, начал расчерчивать пол. Несмотря ни на что, я залюбовалась мужем. Когда работает профессионал, это и правда красиво. Ни одного лишнего движения, символы ложились быстро и четко.

Винсент отошел к стене, засветилась темно-фиолетовой разметка. Труп сел, со свистом выдохнув. То есть не выдохнув, просто места в брюшной полости стало меньше, и диафрагма поднялась вверх, выталкивая из легких воздух. Ничего сверхъестественного, но неприятно, а белобрысый помощник инквизитора и вовсе подпрыгнул, сотворяя охраняющий жест.

– Прошу вас, коллега, – указал дознаватель на труп.

Инквизитор благодарно кивнул и сразу взял быка за рога:

– Кто тебя убил?

– Я. – Голос мертвой походил и не походил на голос живой женщины. Тембр, вроде, тот же, но исчезло всякое выражение. Даже в озвучке нейросети эмоций больше.

– Чем именно?

– Ножницами.

– Покажи.

Покойница пошевелила руками.

– Нет ножниц.

– Держи. – Орудие убийства подплыло к мертвой. Та взяла ножницы так, словно руки у нее до сих пор были связаны, воткнула в шею в точности так же, как это сделала живая. Я невольно вздрогнула – вот вроде бы и знала, что второй раз фонтана крови не будет, а все равно бессознательно ждала его.

– Почему ты это сделала?

– Так надо было.

Инквизитор моргнул. Переформулировал:

– Зачем ты убила себя?

– Так надо было, – повторила мертвая с тем же выражением, ну точно заезженная пластинка.

– Кому надо было?

– Мне.

– Для чего надо? – продолжал инквизитор.

Да уж, тут для квалифицированного психолога работы не на один сеанс – выяснить, почему человек вдруг решил себя убить. А Клаус на квалифицированного психолога не тянул никак. Да может ли покойник вообще ответить на подобный вопрос? Если у мертвеца нет души, нет желаний, кроме ненасытной ненависти к тем, кто живет и дышит, которую сейчас блокирует охранная схема, может ли он понять и сформулировать, что двигало тем, кто был в этом теле?

– Чтобы умереть быстро. И без позора.

Дознаватель кивнул, точно подтверждая ее слова. Я хотела было спросить у Винсента, неужели для обвиненных в убийстве здесь принята мучительная казнь, но поймала на себе

заинтересованный взгляд Освальда и промолчала. Правильно сделала, в следующий миг сообщила сама.

Почти всю историю человечества преступников пытали – либо чтобы вырвать признание, либо чтобы подтвердить его. И за умышленное убийство всегда полагалась смертная казнь. То есть, конечно, если дворянин прибьет холопа, ничего ему за это не будет. Но в нашей ситуации – мы обе маги, я – жена мага, как ни крути, мы равны. Значит, несостоявшуюся убийцу передают в руки инквизиции или светских властей. Неважно, результат один. В другое время и в другом месте я бы посочувствовала.

– Я услышал все, что хотел, – заявил инквизитор. – Прошу вас, коллега. С покушением на профессорскую жену, если оно вообще было, разбирайтесь сами, дела университета – забота университета.

– Я собирался чуть позже расспросить профессора и его супругу о взрыве в здании факультета, – сказал Освальд. – Не желаете присутствовать?

– Вчера мне недвусмысленно заявили, что это не мое дело. – Инквизитор коротко поклонился. – Дослушаю допрос трупа, и удалюсь. Я предпочитаю проводить ночи в своей постели, но из-за нее. – Он ткнул пальцем в меня, как до того – в служанку, – мне это не удавалось двое суток подряд.

– Как вам будет угодно. – Дознаватель повернулся к мертвой. – Ты пыталась убить Ингу, жену профессора?

– Я пыталась.

– Как именно?

– Задушить мерной веревкой.

– Зачем?

– Она занимает чужое место.

Я обмерла. В смысле? Она не может знать, что это не мое тело! И, как назло, инквизитор здесь!

– Что значит чужое место? – не понял Освальд.

Сердце подпрыгнуло к горлу, мешая дышать, ноги подкосились. Ну вот и все...

– Она заморочила голову чужому жениху и заняла чужое место.

Я облегченно выдохнула. Не знает, да и откуда бы ей? Увидела разом окаменевшее лицо Винсента. Мелькнула жуткая догадка. Нет. Не может быть! Это только в романах обезумевшие от страсти дамы втыкают кинжалы в соперниц, неверных любовников или в самих себя. В жизни все проще. По пьяни, конечно, и ножом могут пырнуть, а обычно... Машину поцарапать, дверь изрисовать, волосенки повыдирать, подговорить парочку не слишком чистоплотных мужиков «поразвлечься». Но задушить? И не ради подруги же! Да кто вообще станет так подставляться, будучи в здравом уме и твердой памяти?

– И ты решила убить ее за это? – В голосе дознавателя проскользнуло изумление. Похоже, какие бы страсти ни кипели в стенах университета, подобное было в новинку и ему.

– Я не решила.

Освальд нахмурился.

– Ты пыталась убить Ингу за то, что она увела чужого жениха?

– Да.

– Твоего жениха?

– Нет.

– Жениха подруги?

– Да.

– Как зовут подругу?

– Мия.

– Мия Лайгон?

– Да.

На скулах Винсента появились красные пятна. Я обхватила плечи руками: бред, ну бред же!

Дознаватель остался невозмутим.

– Это она тебя надоумила?

– Нет.

– Почему ты решила убить Ингу собственноручно?

– Я не решила.

– А кто решил?

– Никто.

Освальд досадливо поморщился. В самом деле, ерунда какая-то. Никто не решил, само так получилось.

– Зачем ты пыталась убить Ингу своими руками? – переформулировал дознаватель.

– Она занимает чужое место.

– Почему ты пыталась убить Ингу сама? Почему не предоставила действовать подруге?

– Так было правильно.

– Кто это решил?

– Никто.

– Кто сказал, что так будет правильно?

– Никто.

Дознаватель бросил взгляд на Винсента, тот пожал плечами. Вроде бы безразлично, но я видела, что он сохраняет спокойствие из последних сил. Инквизитор довольно ухмылялся. Ну еще бы, такое шоу. Никто не уйдет незамазанным: ни профессор, который столько раз тыкал его носом, будто щенка, ни «ведьма», до которой ему никак не удавалось дотянуться. Да и дознаватель оказался не столь хорош, как о нем говорят, никак не может правильно вопрос задать.

Интересно, обязан ли инквизитор молчать о том, что услышал на дознании? Если нет, скандал выйдет знатным. Я-то ладно, все равно никого не знаю, но мужу еще с ними работать.

– Мия Лайгон желала смерти Инге Оркан? – попытался зайти с другого конца дознаватель.

– Да.

– Что она говорила?

– Что хочет, чтобы эта девка сдохла в мучениях.

Я невольно поежилась. Если бы что-то подобное было выкрикнуто мне в лицо – не впечатлилась бы вовсе, и не такое доводилось слышать. Но произнесенное безразличным голосом мертвеца...

Муж положил ладони мне на плечи, успокаивая. Я накрыла его руки своими. Помогло.

– Когда это было? – продолжал допрос Освальд.

– Сегодня днем.

– Мия приезжала к тебе?

– Да.

– Мия попросила тебя убить Ингу?

Дрогнули символы в круге, покойная начала заваливаться, но в следующий миг снова выпрямилась. Точно некромант, удерживающий ее, едва не утратил контроль над магией. Может, так оно и было, потому что инквизитор снова довольно ухмыльнулся, а дознаватель бросил в нашу сторону быстрый взгляд.

– Винсент, я понимаю, но еще немного, пожалуйста.

– Не просила. – Безразлично произнесла мертвая.

– Тогда зачем ты пыталась убить Ингу?

– Она занимает чужое место.

– Тебе-то какая разница?

– Никакой.

Дознаватель потер лоб, буркнул под нос ругательство.

– Тогда почему ты сама пыталась ее убить, а не предоставила действовать подруге?

– Так было правильно.

– Почему ты решила, что так правильно?

– Не знаю.

Освальд развел руками, обернувшись к нам.

– Мы начинаем ходить по кругу.

– Вижу. – В голосе Винсента эмоций было не больше, чем в голосе покойницы. – Отпускаю?

– Да.

Труп лег и замер.

– Что ж, – напомнил о себе Клаус, – желаю удачи в расследовании. И доброй ночи, если она будет доброй.

Он поклонился, остальные вернули поклон, проводили взглядом инквизитора. Хлопнула дверь, застучали по лестнице шаги. Дознаватель покачал головой, но, если и хотел высказаться, промолчал.

– Держи. – Освальд взял у помощника записи и протянул Винсенту. – Сверх, все ли так, и подпиши, раз Клаус не соизволил задержаться. – Он повернулся ко мне. – И вы, Инга, прочитайте и подпишите.

– Я не умею читать, – выдавила я. В который раз обожгло стыдом. Как Кэри и подобные ей умудряются жить, не зная грамоты? Это же просто невыносимо!

Дознаватель изумленно вскинул бровь.

– Прошу прощения.

– Ничего.

Винсент начал было читать, но я оборвала его.

– Извини, я не хочу выслушивать это второй раз.

Муж кивнул с отстраненным видом, словно мысли его гуляли где-то не здесь. Вернул подписанные листы Освальду.

– Присядем? – предложил тот. Не дожидаясь ответа, устроился боком на краю помоста. – Про это, – он мотнул головой в сторону трупа, – сейчас мы больше ничего не знаем. Давай про взрыв. Расскажи, что там было, и как удалось уцелеть вам.

Винсент, вздохнув, сел напротив. Я устроилась у него за спиной, боком к остальным. Навалилась усталость, заставив ссутулиться. Ни дня без приключений! Или это мне в качестве ложки дегтя, прилагающейся к такому мужу и магическому дару? Чтобы жизнь совсем уж медом не казалась?

Очень хотелось прислониться к спине мужа, обнять его, снова ощутить его тепло. Но мы были не одни, и я заставила себя выпрямиться, вслушаться в разговор.

Винсент завел рассказ о событиях, предшествовавших взрыву. Я мысленно хмыкнула, услышав, что он задержал меня после занятий и попросил поднять тело, чтобы дать дополнительную возможность запомнить схему ритуала. У меня не было возможности законспектировать лекцию, а после воспользоваться конспектом. Но дознаватель то ли поверил, то ли сделал вид, будто поверил, что дело лишь в заботе о моей успеваемости.

Хотя, если вспомнить, как Винсент сопровождал меня в общежитие и не ушел, пока не передал комендантше – и это после того, как я ему морду набила! – он действительно нянчился со студентами. Ох, как же жаль погибших...

Я вздохнула – слезы подкатили совсем некстати. Что-то у меня сегодня глаза на мокром месте.

– А что было потом? – продолжал расспрашивать дознаватель.

– Это имеет значение? – изумился Винсент.

– Не знаю. Возможно.

– Если ты настаиваешь... Сидели. Разговаривали.

– О чем?

Муж хмыкнул.

– О различных научных теориях.

– Ты. Наедине с очаровательной женщиной. Беседовал о науке?

Глава 4

– Почему нет? – судя по тону голоса, Винсент от души веселился. – Скажем, существует теория что материальное вместилище памяти – мозг, в котором под воздействием пережитого опыта...

– Какая фантастическая чушь! – воскликнул дознаватель. – Все знают, что мозг слишком влажен и мягок, чтобы служить хранилищем души. Сердце – еще может быть, но мозг и нервы не более чем...

– Охладитель для тела, – буркнула я себе под нос, не зная, то ли смеяться, то ли плакать. Неужели в магическом мире бытуют те же заблуждения, что когда-то имели место в нашем? Хотя почему бы и нет?

Но Винсент-то каков! Он ведь тогда не смеялся, не пытался спорить, только спрашивал и спрашивал.

Дознаватель смерил меня ошарашенным взглядом, медленно произнес:

– Теперь я верю, что вы действительно беседовали о научных теориях. Наверное, и щит держали по очереди?

– Нет, Инга только начинает учиться.

– Но тогда как ты сумел удержать его так долго?

Винсент демонстративно поднял руку с браслетом, но Освальд не отставал:

– Его бы не хватило. Никакого бы накопителя не хватило.

Муж развел руками:

– Очень жить хотелось.

– Да уж... – дознаватель помолчал. – Говоришь, ловушка на крови? Кто-то еще может подтвердить?

– Кроме меня там была только Инга, а она пока даже самые основы не изучила, – покачал головой Винсент.

– Тогда я вынужден потребовать, чтобы ты не уезжал из Джеима, пока я не разберусь в этом деле окончательно. Прости, но вопросов твой рассказ оставил больше, чем ответов.

– Понимаю, – голос Винсента звучал чересчур спокойно. – Должны ли мы оставаться дома?

– Нет. Послушай, на самом деле я не верю, что ты мог учудить нечто подобное, но...

– Но ты не играешь в «верю-не верю», – сказал муж. – Ты собираешь и анализируешь факты. А факты таковы, что сейчас я единственный некромант в городе. И кому, как не мне, выгодно, чтобы в нем не осталось конкурентов? А еще в убийстве мужа в первую очередь подозревают жену и наоборот.

– Чушь! – Дознаватель вскочил, заметался по комнате. – С какой стороны на все это ни посмотри, получается невероятная чушь! Винсент, мы много раз работали вместе, и ты последний, кого я стал бы подозревать. Но, с другой стороны, если бы ты решил стать преступником – ты был бы очень опасен. Очень.

Муж пожал плечами.

– Наверное. Мы можем идти? Инге надо прийти в себя. Да и я устал.

– Да, конечно. Из города ни ногой.

– Хорошо. Обнаружишь что-то интересное – дай знать.

Винсент подал мне руку, помогая подняться. Освальд задержался в комнате, о чем-то разговаривая с помощником, я не стала вслушиваться. Оперлась о подставленный мужем локоть, спустилась по лестнице, придерживая юбку. Наверное, я снова задрала ее чересчур высоко, но мне было плевать. Слишком уж напряженной казалась рука Винсента под моей ладонью, слишком прямой – спина.

Забравшись в карету, я хотела было пересесть к нему, обнять – и не решилась. Муж смотрел сквозь меня стеклянным взглядом. Вокруг него словно наэлектризовался воздух, коснись – и шарахнет. Вроде бы я тут вовсе ни при чем, но гроза не разбирает правых и виноватых.

Так что я молча сидела напротив мужа и старательно счищала с юбки обрывки ниток, прицепившихся к подолу в мастерской. Отцепляла одну, скатывала в шарик, прятала в кулаке, чтобы не сорить на пол кареты; выискивала взглядом следующую. Когда только успела нацеплять столько, вроде мастерская не выглядела замусоренной. В голове не осталось ни одной мысли, кроме как об этих дурацких ниточках, словно и мысли притихли, опасаясь взрыва.

Мы так и доехали, в полной тишине, нарушаемой стуком копыт. Когда открылась дверь, Винсент встрепенулся, будто проснувшись. Улыбнулся – наверное, эта улыбка должна была выглядеть беззаботной, но я мысленно поежилась. Подал руку, помогая выбраться из кареты.

– Что там у тебя?

Я разжала ладонь. Порыв ветра унес спутанный шарик ниток. Винсент промолчал. Подхватив под руку, повел к двери. У ступеней крыльца замешкался.

– Дай ключ, пожалуйста.

Я стянула с пальца кольцо, сплетенное из перевитых золотых нитей. Винсент положил его себе на ладонь. Я вдруг увидела, что дом опутан разноцветной сетью заклятий, точно коконом. Вот он колыхнулся, отпочковал пузырек. Переливающаяся точно мыльный пузырь сфера подлетела к кольцу, обволокла его. Разноцветные нити заклятия растеклись по золотым нитям украшения, вспыхнули и исчезли.

– Держи, – муж вернул мне кольцо.

– Как им пользоваться?

Я помнила, что Кэри прикладывала кольцо к двери, прежде чем взяться за ручку, но Винсент сказал, что носить на пальце будет удобнее.

– Просто надевай, выходя на улицу, и когда, вернувшись, начнешь открывать дверь, дом тебя узнает.

Я помнила, что согласно этикету, дверь передо мной должен открыть мужчина, но надо же было проверить! Когда я коснулась ручки, меня на миг словно окутала теплая шаль. Сами собой развернулись плечи, стало тепло и спокойно, но в следующее мгновение наваждение исчезло. Жаль.

– Надо же, – изумился Винсент, заходя вслед за мной. – Похоже, дом принял бы тебя и без ключа.

Странно. Впрочем...

– Кто накладывал чары?

– Я.

– Может быть, дело в даре? Он у нас одинаков.

– Нет, я приглашал в гости коллег, и...

Он осекся, лицо снова приобрело нечитаемое выражение, и снова мне стало неудобно. Была бы кошкой – вздыбила бы шерсть и выгнула спину. Захотелось сбежать, спрятаться, пока не минует буря. Я отступила на шаг, подбирая слова, чтобы пожелать доброй ночи и скрыться в спальне. Даже рот открыла, а потом разум захлестнула волна ярости.

Да какого рожна! Почему я должна бояться и прятаться от него, чтобы не попасть под горячую руку? В конце концов, я ни в чем не виновата, это меня едва не задушили! Подруга его бывшей, между прочим! И пусть только попробует на мне сорваться, я сама на ком хочешь... Убью. Пусть только рот раскроет – убью, и плевать на последствия!

Я замотала головой. Нет, я всегда была несдержанной, могла и взорваться, и накричать – да что там, не далее чем сегодня утром устроила совершенно безобразную сцену. Но это было слишком даже для меня. Надо побыть одной и разобраться. Я попятилась.

Винсент вздохнул.

– Прости, я ушел в свои мысли вместо того, чтобы позаботиться о тебе.

Меня захлестнуло ощущение вины. Как я вообще могла так про него подумать – «убью, пусть только рот раскроет!» Захотелось провалиться сквозь землю.

Да что ж меня так бросает из одного настроения в другое, прямо пмс, которым я никогда не страдала. Или это он и есть, поди пойми, на каком дне цикла меня угораздило оказаться в этом теле. Может, в самом деле в этот раз просто меньше повезло с гормональным балансом?

Муж шагнул ко мне, раскрывая объятия.

– Иди сюда.

Я встретила с ним взглядом и вместо того, чтобы шагнуть навстречу, отступила.

Сама не знаю почему, просто впервые с того времени, как мы оказались наедине в его кабинете, от Винсента веяло опасностью, и приближаться не хотелось.

– Инга? – он протянул руку.

Я не сдвинулась с места, но мой дар всколыхнулся, отталкивая мужа, не давая коснуться. Меня окружила прозрачная сфера, очень похожая на ту, что отгораживала нас с Винсентом от обрушившихся руин. Муж отдернул руку, точно обжегшись. А я вдруг успокоилась.

Нет, не совсем успокоилась. Усталость, отголоски пережитого страха, беспокойство – за себя и за мужа, растерянность – слишком уж внезапной была эта попытка убийства, которая едва не удалась; раздражение на дознавателя, решившего подозревать Винсента. Но все это ни в какое сравнение не шло с той бурей эмоций, которая минуту назад бушевала внутри.

– Даже так? – Муж дернул щекой. Я попятилась. Он потер лицо руками, словно пытаясь стереть с него всякое выражение. – Иди спать. Я сейчас в самом деле не самая приятная компания.

– Прости, я не хотела. Сама не знаю, как... – Кокон исчез, будто лопнул мыльный пузырь, а в следующий миг меня скрутило так, что я разучилась дышать. Алая пелена бешенства, тревога, обручем сковавшая грудь, вина, прибивающая к земле. Да что ж это такое! Никакой выдержки не хватит! И, главное, почему? Мне не в чем себя винить!

– Когда учишься магии, многое получается на чистой интуиции. Щит отличный. – Ему удалось справиться и с лицом, и с голосом. – Тебе сегодня досталось, неудивительно, что хочется спрятаться ото всех. Отдохни. Завтра будет другой день.

– Да. Спасибо. Доброй ночи.

Надо бы поцеловать мужа на ночь, хотя бы обнять, у него тоже был не самый приятный денек, но ноги сами понесли меня в спальню. Чем ближе была дверь, тем легче становилось, так что когда я взялась за ручку, чувствовала себя почти нормально. Неотрывный взгляд Винсента словно сверлил спину между лопаток, это мешало, но эмоции, разрывавшие разум, притихли. Я, наконец, смогла думать не только о том, что нужно держать себя в руках – и только тогда до меня дошло.

Это были не мои эмоции!

Немудрено, что Винсент предпочитает носить экран, это ж рехнуться можно, если так кроет каждый раз, когда оказываешься рядом с кем-то, испытывающим сильные чувства! И, похоже, его эмпатия работает в обе стороны, когда зашкаливают любые эмоции, не только вождение.

Но если я чуть не рехнулась от отголосков, каково ему сейчас?

Словно подтверждая эту мысль, за спиной загрохотало, а потом раздался то ли рев, то ли рык. Я выскочила за дверь. Винсент, до сих пор был в коридоре. Снова зарывав, со всей дури шархнул кулаком в стену, застыл, прислонившись к ней лбом и тяжело дыша. В паре метров позади него валялся слетевший с гвоздя пейзаж.

Я замерла, не зная, как поступить. Здравый смысл подсказывал – не лезть под горячую руку, дать выпустить пар. Но и бросить его одного в таком состоянии было невозможно. Дар

Винсента бился вокруг него, дрожал и переливался, точно пламя, готовое пожрать все вокруг. Убить, и плевать на последствия...

Мой дар потянулся к нему легкой дымкой, которая распалась на отдельные пряди, и снова собрался, словно вьюнок, оплетающий колючую проволоку. Мелькнули алые нити, я моргнула. Нет, померещилось. Дар Винсента так же рассыпался на побеги, перевился с моим, успокоился. Видение растаяло.

Муж поднял голову, встретился со мной взглядом.

– Прости, – хрипло произнес он. – Я не хотел тебя пугать.

– Ты не напугал. – Я шагнула к нему, и в этот раз не пришлось преодолевать себя.

– Врешь, – он криво улыбнулся. Развернулся ко мне, опираясь одной рукой о стену, точно боялся упасть.

– Не напугал, – повторила я. – Просто невыносимо видеть тебя в таком состоянии.

– Ну так отвернись.

Я покачала головой. Взяла его лицо в ладони, поднялась на цыпочки, поцеловала в уголок губ, подбородок, щеку – куда могла дотянуться.

– Не дождешься. Я с тобой. Мы справимся. Вместе.

Он улыбнулся – совсем не так, как только что. Бережно отвел мои руки. Я охнула, заметив окровавленные костяшки. Просто ссадина, мелочь, и все же жаль, что я не умею исцелять. Я поймала его кисть, подула.

– У кошки боли... – Откуда я вспомнила это? Меня-то саму никто никогда так не успокаивал. – У собаки боли...

Взгляд упал на перстень, защищающий от чужих эмоций. На месте. Но как тогда? Или просто никакой экран не выдержит такой бури? Похоже на то.

– У Винсента заживи...

Он негромко рассмеялся, привлек к себе.

– Хорошая моя... – Муж зарылся лицом в мои волосы.

Теперь его дар потянулся ко мне, сплелся с моим, укутывая, согревая нежностью и любовью. Его? Моей?

Винсент изумленно выдохнул.

– Ты тоже это видишь? – Ореол рассеялся, и он поправил себя: – Видела?

Глава 5

– Да. – Я тихонько вздохнула. Его объятия остались теплыми, в них по-прежнему хотелось задержаться, но исчезло что-то неуловимое, что-то, что нас связывало.

– Вот, значит, почему дом тебя принял.

– Потому что твой дар принял меня?

– Или твой – меня. Кто теперь разберет?

– Снова скажешь, что ни о чем подобном не слышал? – Я мягко высвободилась.

– Скажу. Кое-какие идеи у меня есть, но... – муж вздохнул. – Сейчас я не в состоянии толком их обдумать, не то чтобы проверять.

Я улыбнулась, вспомнив обещанную «серию экспериментов». Надеюсь, результаты первых опытов Винсент фиксирует лишь в памяти. Но я, пожалуй, тоже не в настроении сейчас. И одновременно хочется быть рядом с мужем.

– Можно я останусь сегодня в твоей спальне? Одной мне будет неуютно.

В первый раз на шок от насильственной смерти наложилось потрясение от нового мира и проблемы адаптации, которые заняли все мои мысли. Во второй пишу для раздумий и волнений подкинуло внезапное замужество. А сейчас почему-то думалось не о счастливом спасении, а о том, сколько ненависти, оказывается, на меня направлено – и ненависти деятельной. От этого становилось жутко. Не настолько, чтобы подпрыгивать от каждой тени, и все-таки сегодня мне нужен рядом кто-то живой и теплый.

– Я сам хотел тебя об этом попросить. – Винсент снова обнял меня. – Чтобы не бегать каждый час проверять, все ли в порядке.

Я поежилась.

– Разве дома не безопасно?

– Совершенно безопасно. Но я понимаю это разумом, а тревога не проходит. Я был уверен, что в мастерской Корси совершенно безопасно... – На его лице заиграли желваки. – Впрочем, незачем тебе об этом напоминать. Освальд прав, все это выглядит как сущий бред. – Он разжал объятия. – погоди немного.

Муж снял с шеи вестника.

– Найди профессора Йона Стерри. Если он спит, не буди. Если нет, передай, что мы с женой хотели бы нанести ему визит утром.

Вспышка. Прежде чем я успела переспросить, перед нами появился филин, маленький, в размахе крыльев не больше тетрадного листа.

– Винсент, что случилось? – спросила птица дребезжащим старческим голосом.

– Долгая история. Вы примете нас утром?

– Я приеду сейчас.

– Я вовсе не хотел...

– Брось, в моем возрасте больше всего докучают бессонница и скука, ей наваянная. Ты избавил меня по крайней мере от второй. Сейчас буду.

Мы переглянулись.

– Дрессировал, говоришь? – не удержалась я.

Есть люди, которые помчатся к ветеринару в любое время суток, если заболел домашний питомец. Другие даже к близкому родственнику не сорвутся среди ночи, пока их прямо не попросили помочь. Сейчас Винсент ни о чем не просил, но его наставник все же собрался приехать, не дожидаясь утра.

– Дрессировал, – подтвердил муж. – Я был зверенышем, который всех ненавидит и хочет лишь выжить.

В самом деле, едва ли во время знакомства с наставником он схватился за нож в первый раз. Нет, пожалуй, я не хочу знать, какие демоны прячутся в душе Винсента. Впрочем, сейчас это не самое важное.

– Как я должна встречать гостя? Где? Вино, закуски? Сколько у нас времени?

– Минут двадцать. В малой гостиной. Вино профессор предпочитает крепкое хлебное... Водку? Похоже на то.

– ...говорит, что от виноградного у него изжога. Насчет закусок – есть пироги. Могу тебе помочь собрать на стол, если хочешь.

– Хочу.

Зря я подозревала, что еда из стазисного ящика никуда не годится. Пироги, которые Винсент сложил туда утром, до сих пор были горячими, хотя лежавший рядом кусок сливочного масла оставался твердым. От запаха заурчало в животе, даром что утром я это уже ела. И все-таки ограничиваться одним блюдом как-то неловко даже несмотря на то, что ночь на дворе. Ладно бы подружка приехала с бутылкой и утешением.

Я быстро перебрала содержимое сундука и обычных ящиков с припасами, сунулась туда, где Кэри хранила кухонные принадлежности. Не знаю, чья это заслуга – поденщицы или хозяйина дома, но на кухне хватало и продуктов, и специй, и посуды.

– К чесноку ты как относишься? – поинтересовалась я. – И профессор?

– Я не вампир, – ухмыльнулся Винсент. – Профессор, насколько мне известно, тоже.

Вот и отлично. Значит, фаршированные яйца. Часть – желток с горчицей и майонезом, часть – с сыром и чесноком, под водку самое то. Сами яйца Кэри сварила еще с утра, взбить майонез – дело пяти минут, чем я и занялась, пока муж нарезал запеченный окорок; а горчица уже была заварена в горшочке.

Винсент утащил у меня из-под рук начиненную половинку яйца, одобрительно кивнул, откусив.

– Интересно, – сказал он, дожевывая. – Мне нравится. Что ты будешь пить?

– Зависит от того, собираетесь ли вы выпить или напиться.

Замахнуть рюмку я не против, а пить на равных с мужчинами даже пытаться не стану, тем более, что пока не поняла, как реагирую на алкоголь. Все прошлые знания и привычки остались в другом мире.

– Я хотел посоветоваться с наставником, а для этого нужна ясная голова.

Муж водрузил на поднос серебряный кувшин и две такие же стопки.

– Тогда то же, что и вы.

Кивнув, Винсент добавил еще одну стопку, выставил на поднос тарелки с едой. И, точно гость только этого и дожидался, позвонили невидимые колокольчики.

– Пойдем, – муж протянул мне руку. – Я открыл дверь, но не встретить наставника будет невежливо.

Зайдя в дом, профессор окинул нас обоих быстрым взглядом, и на его лице промелькнуло облегчение.

– По крайней мере, оба живы и выглядите здоровыми, – сказал он после того, как мы обменялись приветствиями.

– Да, Предвечная уберегла. – ответил Винсент. Жестом предложил гостю пройти в дом.

Стерри неодобрительно покачал головой, глядя на картину, валяющуюся на полу, муж, кажется смутился. Накрыв ладонью разбитую руку, а когда убрал, кровь с костяшек исчезла и кожа заросла. Ну будто школьник, которому очень важно, что о нем подумает любимый учитель. Хотя в каком-то смысле так оно и было.

– Так зачем ты вытащил старика из дома посреди ночи? – поинтересовался профессор, когда мы все устроились в малой гостиной.

Вообще-то он сам напросился в гости, но я предпочла придержать эту мысль при себе. Не так много у моего мужа близких людей, чтобы катить на них бочку по пустякам. Да и я была благодарна Стерри за помощь, пусть и понимала, что он помогал скорее мужу, чем мне.

– До сих пор ты не присылал вестника в такое время, – продолжал он.

– Простите, наставник. Я немного потерял голову, – смиренно повинулся Винсент.

На столе появилась еда и выпивка. Стерри приподнял бровь, когда муж поставил передо мной стопку и налил... да, судя по запаху – водки. Я мысленно улыбнулась – Винсент мог говорить что угодно, но эту манеру демонстрировать удивление с легким налетом неодобрения он явно подцепил у наставника. Дрессировал, значит...

– Если вы возьметесь учить Ингу правилам поведения в свете, расскажете, что крепкие напитки не приличествуют женщинам. – Ответил муж на безмолвный вопрос, повисший в воздухе. – Но сейчас ей это нужно. Как и мне. А еще я не хочу, чтобы у вас создалось неправильное впечатление о моей жене. Она дорога мне такой, как есть.

А что за впечатление обо мне сложится у Стерри сейчас? Как о начинающей алкоголичке? Не хотелось бы. Я едва не рассмеялась пришедшей в голову мысли – чувствую себя так, словно знакомлюсь с родителями кавалера, пытаюсь им угодить. Хотя профессор наверняка сделал какие-то выводы, еще когда помогал мне доказать, что Винсент в здравом уме и твердой памяти, а не находится под влиянием моих несуществующих ведьминских чар.

– Возмусь. Похоже, ты в самом деле потерял голову, и совсем не «немного», – заметил профессор. Отсалютовал нам стопкой, выпил, одобрительно крякнув, сунул в рот половинку яйца. Винсент повторил его действия, занявшись рыбным пирогом. Я тоже предпочла закуску посущественней: с утра маковой росинки во рту не было. Какое-то время все сосредоточенно жевали.

– Потерял. – Муж, наконец, нарушил тишину. – И действительно не «немного». Но не из-за того, о чем вы думаете. Сегодня я едва не овдовел.

Рука профессора, держащая надкушенное яйцо, повисла в воздухе.

– Рассказывай.

Винсент открыл было рот, но наставник жестом остановил его.

– Сперва Инга, это ведь с ней что-то произошло?

Сам рассказ уложился в пару предложений, но профессору этого показалось мало.

– Как ты сумела дозваться его? – Он кивнул на Винсента.

– Не знаю. Просто подумала о нем.

– О нем? Не о маме-папе, а о человеке, которого знаешь несколько дней? Так хорош оказался, – он хлопнул кулаком по полусогнутой ладони, – что обо всех забыла, даже на тот свет собираюсь?

Я вспыхнула. Может, зря, может, этот жест здесь ничего не значит... Нет, судя по тому, как стиснул зубы муж, я все поняла правильно. Открыла рот, но Винсент успел первым.

– Наставник, еще один такой выпад, и я попрошу жену удалиться. Я обязан вам всем, но не она, и потому...

– А что я такое сказал? – деланно изумился профессор.

Я сжала колено мужа под столом, успокаивая. Манера общения профессора, разительно отличавшаяся от той, что я наблюдала раньше, наводила на мысли о стресс-собеседовании. Конечно, могло быть и так, что на людях он ведет себя прилично, а в узком кругу позволяет себе распоясаться. Или не нравлюсь я ему... хотя нет, не нравилась бы с самого начала – нашел бы способ не позволить Винсенту жениться, не унижая прилюдно прямым приказом.

Но если Стерри сознательно меня провоцирует – то зачем? Чтобы заставить сболтнуть лишнего? Показать свои истинное лицо и характер? Так мне скрывать нечего... почти нечего. Ни в каких местных интригах я не замешана, камня за пазухой не держу. Характер, конечно, не сахар, но какая есть – такая уж есть.

– Я тоже очень многим обязана вам, профессор Стерри. – Я постаралась, чтобы голос звучал спокойно. – Без вашей помощи я бы не справилась с тем ритуалом, и кто знает, чем бы это кончилось для меня и Винсента. – Я жестом предложила ему кусок пирога, профессор покачал головой, и я продолжила: – Что до вашего вопроса – я сирота и не помню родителей. И даже если у меня был кто-то близкий до того, как пробудился дар, этого я тоже не помню. Так о ком мне было думать, кроме как о человеке, который вытаскивал меня из рушащегося здания вместо того, чтобы спастись самому? Который...

– Уймись, – перебил меня профессор разом сменив тон. Сейчас он походил на добродушного дедушку. – А то твой муж сейчас нос задерет так, что небо проткнет. Значит, просто подумала о нем?

– Кажется, да.

– Кажется?

– К тому моменту я уже почти ничего не соображала. Просто...

– Жить хотелось?

– Да.

На его лице промелькнуло выражение, которое я не успела понять.

– А, может, не просто подумала, а позвала? Потянулась силой?

– Может быть. Я правда тогда не соображала особо. Просто рвалась, пока сил хватало, а помощи было неоткуда ждать, кроме Винсента. – На миг меня захлестнули воспоминания, и я, внутренне передернувшись, потянулась к горлу. Муж поймал мою руку, погладил пальцем тыльную сторону кисти. Я выдохнула. Все хорошо. Я жива. Я в безопасности.

– Хорошо, не помнишь так не помнишь. – согласился Стерри. – Я в такие моменты, наоборот, запоминаю все так отчетливо, что картину писать можно, но все мы разные. – Он сменил объект внимания. – Твой черед, мальчик.

Глава 6

Муж тоже уложился в несколько предложений. Сидел, скучал, потом словно что-то толкнуло. При этих словах Стерри вскинулся, но, когда Винсент прервался, ожидая вопросов, махнул рукой – дескать, продолжай, и тот продолжил. Снял, значит, перстень, ужаснулся тому, что почувствовал, и рванулся на помощь.

Сказанное трупом профессор заставил воспроизвести дословно. В прямом смысле – слово в слово, по три раза переспрашивая, уточняя формулировки. От этого дотошного допроса у меня начали закипать мозги, муж оставался невозмутимым. Занятно, у нас обоих оказалась отличная память на подробности, потому что, слушая его, я не нашла расхождения с собственными воспоминаниями. Профессия обязывает, видимо.

Наконец, Стерри, оставил Винсента в покое. Тяжело замолчал, так что я поежилась под его взглядом. Муж напрягся. Профессор, меж тем, не спрашивая сам плеснул себе в стопку, выпил не закусывая и подался вперед, тяжело оперевшись ладонями о стол.

– И ты, значит, решил, что ректор подговорила подругу убить соперницу? Потому и заметался, точно курица с отрубленной башкой?

Винсент кивнул, и профессор рявкнул:

– Надо было не кулаками в стенку стучать, а головой с разбегу! Может, когда искры из глаз посыпались бы, увидел бы, что на тебе свет клином не сошелся!

– А что я должен был подумать? – взвился Винсент.

– Да ты вообще не думал! Ты от гонора надувался – две такие бабы из-за тебя сцепились! Потому что если бы задумался хоть на миг, понял бы, что Мия сука зубастая, но не дура! Дуру ученый совет ректором не поставит! И Корси не дура! А это покушение выглядит запредельной глупостью!

На лице Винсента возмущение сменилось растерянностью, а потом муж спрятал лицо в ладони глухо застонав. Видимо, понял, что именно упустил. Профессор, меж тем, не унимался.

– Хорошо, придушила Корси твою жену. Дальше как ей себя вести? Сделать вид, что жертва сама в веревке запуталась? Подвесить тело к потолку, дескать, отлучилась на минуту, а в это время счастливая новобрачная руки на себя наложила? Спрятать труп и заявить, что клиентка сбежала через заднюю дверь невесть куда? Поднять и вернуть тебе, авось не заметишь разницы? На что она, по-твоему, рассчитывала? Полагала, будто ты так обрадуешься вновь обретенной свободе, что сам поторопишься избавиться от тела, осыпав убийцу благодарностями?

– Хватит. Пожалуйста, – не выдержала я. – Все ошибаются.

– Такие ошибки простительны соплячке вроде тебя! – снова рявкнул Стерри. – Это вам, девкам, нравится, когда из-за вас перья во все стороны летят. А он – взрослый мужик, профессор некромантии, думать должен, а не хвост распускать павлином! Ладно бы пацан, понятно бы было, почему на уме только, что хрен стоит и баб кругом...

– Довольно! – Винсент вскочил, едва не опрокинув стол. Я сжалась на стуле – его гнев шарахнул по мне незримой волной, на миг оглушив. Стерри остался недвижим, глядя на воспитанника снизу вверх. Какое-то время они молча сверлили друг друга взглядами. Наконец, Винсент разжал кулаки, медленно сел.

Интересно, со своими студентами профессор так же общается? Тогда, пожалуй, поищу другого преподавателя этикета. Мои мозги работают куда лучше, когда на меня не орут. Стерри, похоже, заметил мое возмущение прежде, чем я сумела справиться с лицом.

– Не смотри на меня так, – совершенно другим тоном сказал профессор. – Кому много дано, с того много и спросится, а Винсент – очень талантливый мальчик.

– Интересный способ развивать талант: тыкать мордой, будто щенка в лужу, – не удержалась я. – Еще можно розги попробовать. Некоторые считают, что стимуляция большой ягодичной мышцы рефлекторно улучшает мозговое кровообращение.

Стерри усмехнулся, и я поняла, что он добился своего – вынудил меня сбросить маску тихони, предпочитающей помалкивать при мужчинах. Ну что ж, я не тихоня и никогда ей не была. Наверняка муж не нуждался в моей защите, но и смолчать я не могла.

– Не надо. – Винсент упорно сверлил взглядом стол. – Если бы я сразу сообразил посмотреть, не подчинен ли разум Корси, возможно, сейчас у нас были бы ответы. А так...

– А так ты по-прежнему остаешься единственным обученным некромантом Джеима, и над твоей головой по-прежнему висит топор. – Негромко произнес профессор. – Прости меня, мальчик. Я накричал не на тебя, а на свой страх.

Муж поднял голову.

– Вы поняли?

– Давно. Ждал, когда ты придешь ко мне с этим, хотя, видит Предвечная, пока я не сообщу, что происходит и как тебе помочь. Могу разве что заставить Мию сляпать направление в Каэрт или еще куда подальше, разрабатывать какой-нибудь никому не нужный проект.

– Невозможно бегать вечно. Хотя жену я бы отослал.

– Я не поеду. Без тебя не поеду! – Я вцепилась в руку мужа, как будто меня собирались отправить в дальние края прямо сейчас.

Винсент невесело усмехнулся. Я потянулась к нему – обнять, утешить – и вместе со мной колыхнулся дар. Вспомнила, что мы не одни, оборвав движение на середине. Снова повернулась к гостю – и снова заметила очень странный взгляд профессора, точно он подозревал меня в чем-то. Но прежде, чем я успела всерьез над этим задуматься, Стерри обратился ко мне:

– Допустим, некромант не успел обследовать живую. Что нужно было спросить у мертвой?

Я моргнула, соображая, почему профессора вдруг заинтересовало именно мое мнение.

– Я, конечно, не дознаватель... – начала было я, и Винсент тут же перебил.

– Инга не разбирается в таких вещах.

Это что за поворот? Я бросила на мужа быстрый взгляд, но лицо его было непроницаемым.

– Может, позволишь твоей жене говорить самой за себя? – вкрадчиво произнес Стерри.

Муж, кажется, именно этого и не хочет. Почему? Что случилось?

– Мне в самом деле не хватает знаний для того, чтобы сделать выводы, – попыталась я потянуть время.

Хоть бы взглядом дал понять, что не так! Но Винсент смотрел на наставника, не на меня. А наставник, кажется снова начал заводиться.

– Ты некромант, или так, погулять вышла?

– Я личинка некроманта.

– Личинка, твоя правда, – усмехнулся профессор. —Ну так учись думать, если хочешь стать бабочкой. Или ждешь, что за тебя все разжуют и в рот положат?

Бабочка некроманта. Звучит. Я развеселилась, представив такого бражника «мертвая голова»² размером в человеческий рост. Напряжение спало. В самом деле, что нашло на мужа?

– Чтобы думать, нужно хоть что-то знать, – продолжал упираться Винсент. – В правильно заданном вопросе – половина ответа.

Стерри набычился, глядя на воспитанника.

– Ты вроде хотел, чтобы я учил твою жену. Но когда я пытаюсь этим заняться, лезешь под руку.

² . Африканская бабочка, у которой на спинке узор, напоминающий человеческий череп

– Хотел. Чтению, письму и этикету. Некромантии я намерен учить ее сам.

– Ревнуешь, что ли? – хохотнул профессор.

– Нет.

Ревнует? Это просто смешно. Или причина в чем-то другом?

– Тогда помолчи. Я буду учить ее так, как считаю нужным – а я считаю, что нет ничего важнее умения думать, и время суток не имеет значения. Итак?

Показалось мне, или во взгляде мужа промелькнуло что-то, похожее на отчаяние? Или он просто не хочет, чтобы его снова тыкали носом в ошибку?

– Инга, я слушаю, – настаивал Стерри.

Я поколебалась с полмига – может, изобразить дурочку? Нет, не получится. В споре с инквизитором прошлой ночью я вела себя не как дурочка. И если он будет меня учить, тоже быстро сообразит, что я пытаюсь навешать ему лапши на уши.

– Чтобы понять, что именно дознаватель упустил при допросе, мне нужно знать, как именно воздействуют на разум. На каком расстоянии это возможно? При каких условиях?

– А почему ты уверена, что Корси подчинили разум? – быстро переспросил профессор.

– Но... – Я на миг растерялась. Заставила себя собраться, вспомнив о стресс-собеседовании. – Для начала, это предположил Винсент, а он в таких вещах разбирается куда лучше меня.

Я покосилась на мужа, но вместо того, чтобы подтвердить мои слова, он неотрывно смотрел на наставника. Я чего-то не понимаю. Очень сильно не понимаю.

– Но если предположить, что Винсент может ошибаться, и подумать самой... Вы правы, во всем этом слишком много неувязок, которые можно объяснить лишь двумя предположениями.

– Двумя?

– Возможно, больше, но мне не хватает знаний.

На лице мужа заиграли желваки. Положив себе потом спросить, что на него нашло, я продолжала:

– Первое – безумие. Бредовые идеи могут рождаться по самым ничтожным поводам. Например, потому, что подруга поплакалась на злыдню-разлучницу. И реализовывать подобные идеи человек может очень целеустремленно.

– Доводы за и против? – не унимался Стерри, и я почувствовала себя словно на экзамене, когда смотришь в билет и обнаруживаешь там ровно те вопросы, до которых не успела дойти в последнюю ночь зубрежки.

– Не знаю. Я не была знакома с покойной. Разве что могу сказать, что, беседуя с ней, не заметила ничего странного. Возможно, что-то прояснит разговор с ее родственниками.

А возможно, и нет. Родственники часто замечают последними. К тому же здесь нет диспансерного учета и бланков рецептов на некоторые препараты, которые могли бы обнаружиться в доме. Как и эксперта-психиатра, способного сделать выводы задним числом.

– Хорошо, вторая гипотеза, – спросил Стерри.

– Либо разум Корси подчинили, велел убить. Меня или кого-то другого. И если это так, чтобы понять, о чем нужно было спросить труп, мне нужно знать, что именно необходимо, чтобы подчинить разум и как близко для этого должен находиться маг... ведьма.

Профессор не торопился с ответом, и муж, перестав изображать ледяную статую, пояснил:

– На расстоянии взгляда. И нужна вещь, которой касался человек.

– Касался? – уточнила я. – То есть если бы кто-то стащил с прилавка пучок зелени, до которого я дотронулась утром, он смог бы...

Мне очень не нравилось выражение лица Винсента. Безразличная маска, будто он изо всех сил пытался не сорваться. И тон тоже стал сухим, как у лектора. Хотя в какой-то мере происходящее и было лекцией.

– Нет, такого мимолетного взаимодействия недостаточно. Нужно что-то, чем человек пользуется. Идеальный вариант – личная вещь, которую носят постоянно. Кольцо, гребень, нижнее белье... нестираное нижнее белье.

Я представила, как негодяй пытается стащить мои грязные трусы, и снова развеселилась. Припомнила, как у меня в общежитии в самом деле уперли замоченные для стирки кружевные трусики – дорогие, зараза, были. Может, тоже хотели мозги промыть? Потом вспомнила повесть, что навести порчу можно по волосам, оставшимся в зубьях расчески, и веселиться сразу расхотелось.

Винсент, между тем, продолжал все тем же сухим лекторским тоном:

– Но сойдет и рабочий инструмент, которым пользуются. Самописки, например. В случае Корси – та же мерная веревка или ножницы.

– Кухонный нож? – уточнила я, пытаюсь понять, насколько часто нужно пользоваться вещью.

– Нет, если его регулярно мыть. Нужно что-то, на чем сохраняется след духа, а вода смывает его. Так что кухонный нож не подойдет, но сойдет, скажем, кинжал, который человек часто носит при себе.

Я поймала на себе внимательный взгляд профессора Стерри. Смотрит, словно дыру проглядеть хочет. Теперь с этим что-то не так. Или это у меня нервишки шалют?

Значит, чтобы подчинить разум, нужна вещь и визуальный контакт, необязательно двусторонний. Так о чем должен был спросить сегодня Освальд, если бы заподозрил, что модистка действует не по своей воле?

Глава 7

Если целью была я...

– Если намеревались убить именно меня, не помешало бы спросить, кто был у модистки сегодня.

– Почему сегодня? – Профессор заговорил быстро, отрывисто, словно специально, чтобы я не успела обдумать ответ. Впрочем, тут и думать было не о чем.

– До вчерашнего вечера никому бы и в голову не взбрело, что я могу у нее появиться. По большому счету, меня и не знал никто. Значит, эту личную вещь забрали сегодня.

– Другие варианты?

Я пожала плечами.

– Пока Винс... профессор Оркан не взял меня в жены в присутствии половины университета...

– Четверти, от силы. – Стерри усмехнулся, но взгляд его не смеялся, оставаясь внимательным и жестким. – Но ты права, сегодня там только о вас и говорили...

Винсент поморщился, словно у него заныли все зубы разом.

– Неважно, половины или четверти. – продолжала я. – Важно, что до того времени я была никем, и вдруг без повода, попытка убийства... собственно, поэтому мне сразу не бросились в глаза те неувязки, о которых вы говорили. Растерялась от неожиданности.

А еще не знала, какие тут законы. В нашем мире много веков подряд аристократ мог убить простолюдина и отделаться порицанием и копеечным штрафом. Может, пока я не полноправный маг, моя жизнь и ломаного гроша не стоит?

– Они не бросились тебе в глаза потому, что ты вряд ли была в состоянии анализировать после того, как едва не погибла, – вмешался муж. – А сейчас ты наверняка слишком устала, чтобы упорно думать. Иди спать, мы поразмыслим над этим без тебя, а завтра...

– Уже сегодня, – перебил его Стерри. – Инга, ты в самом деле устала? Говоришь связно, соображаешь быстро.

Я едва не брякнула, что вполне бодра и вообще, какого рожна муж так явно хочет меня отослать? Но до сих пор он явно знал, что делает, даже когда я не сразу понимала, что к чему. Наверное, и сейчас знает.

– Да, – я позволила себе на пару мгновений расслабить спину, ссутулившись. – Мне так и не удалось отдохнуть после всех волнений, приятных, – я коснулась руки мужа, заглянула ему в глаза, пытаюсь понять, что у него на уме. Тщетно. Проще мысли статуи понять. – ...и жутких, которые не хотелось бы обсуждать.

– Но ты уже их обсуждаешь. Так что потерпи еще немного, скоро закончим, – профессор бросил быстрый взгляд на Винсента. – Кому ты не доверяешь, мне или своей жене?

– Я верю вам обоим, как себе самому, – все так же сухо произнес муж. – Но если ты считаешь, что мне нравится слушать, как жена выискивает мои ошибки, подумай еще раз.

Так дело в этом? Задетое самолюбие – штука страшная, а наставник еще и наорал на Винсента при мне. Но глупеть поздно, остается попытаться сгладить острые углы, сообразить бы только как.

Как меня угораздило влюбиться в человека, которого я почти не знаю? Что может успокоить его?

– Никому такое не понравится, – подтвердил Стерри. – Но и тебе придется потерпеть. На ошибках учатся, и не лишай такой возможности ни себя, ни Ингу. – Он снова переключился на меня. – Продолжай, девочка.

На чем там я остановилась?

– Словом, на мне свет клином не сошелся, и потому куда вероятней, что метили в кого-то другого. Может быть, изначальной целью был Винсент, он ведь вчера посещал Корси не в первый раз. Или даже не Винсента хотели убить, а любого некроманта города.

– До тебя в Джеиме не было женщин с даром некроманта.

– Я помню. Но судя по тому, как нас вчера встретили, дама со спутником для госпожи Корси не редкость. И неважно, одного ли круга пара, или мужчина привез содержанку... важно, что в этом месте бывают многие маги, в том числе и некроманты. И если так, если я оказалась не целью, а просто некромантом сферическим в вакууме, расспрашивать о гостях модистки бесполезно: кто знает, когда утащили какую-нибудь личную вещь и насколько личной она была?

– В вакууме? – переспросил Стерри.

Я похолодела. Так вот чего боялся Винсент, и вот почему он хотел меня отослать! А до того я брякнула про большую ягодичную мышцу. И про рефлексy. Открыли ли тут рефлексy? Лучше бы муж вместо того, чтобы пытаться держать меня подальше от профессора, какое-нибудь заклятье немоты наложил. Невозможно же ежесекундно контролировать каждую свою мысль, каждое слово.

Ну что ж, придется снова включать режим амнезии. Хотя с Винсентом не прокатило, а Стерри намного старше, опытней и явно нескоро выживет из ума. Разве что с помощью мужа удастся отболтаться...

– Ты тоже читала об опытах с чашей и трубкой, наполненной ртутью? – не унимался профессор.

Нет, в эту ловушку я не попадусь.

– Я не умею читать.

– Некромант сферический в вакууме, – медленно процитировал Стерри.

– Не знаю, откуда я это подцепила. – Я демонстративно оглядела себя, намекая на простое платье. Взгляд зацепился за кровавое пятно на груди: надо бы застирать. – Может быть, прислуживала кому-то образованному, нахваталась словечек, которые сама не понимаю.

Я развела руками. Делать глупое лицо не стала – все равно профессор не купится на растерянный взгляд широко распахнутых глаз.

– Будем надеяться, что память вернется, – вмешался Винсент.

– Будем надеяться, – согласился с ним Стерри. – Возвращаясь к предмету нашего обсуждения. Я не думаю, что целью был любой некромант Джеима. С женщиной Корси бы не справилась.

Я пожала плечами:

– Мужчине куда проще подсыпать яд в чай или вино.

– У большинства растительных ядов неприятный вкус, – быстро, словно отбивая подачу, возразил профессор.

– Мышьяк не имеет ни вкуса, ни запаха.

Не то чтобы мне хотелось непременно доказать, что целили не в меня, или переспорить Стерри. Но любую гипотезу нужно обдумать как следует, прежде чем отвергнуть, а не подгонять факты под желаемые. И думать куда удобнее, когда аргументы «против» услужливо подкидывают другие.

– Мышьяк действует не сразу, при первых признаках недомогания жертва позовет целителя, и все обойдется, – возразил профессор. – То же касается и многих других ядов.

– Циан... экстракт косточек персика или миндаля безвкусен и действует почти мгновенно.

– Слишком редкий и дорогой. К тому же, тогда отравили бы вас обоих.

– Перерезать горло из-за спины. Пырнуть ножом в печень. Шарахнуть молотком по затылку...

– Откуда у портнихи молоток?

- А чего бы и нет? У меня дома был молоток. У меня даже топорик был, неизвестно зачем.
- Сковородка тоже сойдет.
 - Слишком легкая, оглушит, но не убьет.
 - Хорошие сковородки тяжелые.
 - Кто ты такая? – спросил, Стерри не меняя тона.

Винсент выругался, уже не скрывая досады. Я тоже ругнулась себе под нос. Не быть мне Штирлицем, а еще говорят, на ошибках учатся. Горбатого могила исправит, и мне пора присваивать олимпийский разряд по танцам на граблях.

Отпираться бесполезно: если Винсент совсем недавно вцепился в меня точно клещ, профессор и подавно не оставит в покое просто так. Этот еще въедливей, в силу возраста. Так что ему сказать? Или ничего не говорить, просто встать и уйти, заявив, что не намерена развеивать чужие глупые фантазии, и пусть что хочет, то и делает? Не будет же он удерживать меня силой.

Или будет? И как поступит в этом случае муж? На чью сторону встанет? Хотя тут и гадать нечего: гормоны гормонами, но этого кота, то бишь меня, он второй день видит, а с профессором много лет знаком. Как бы ни хотелось быть для него единственной, женщин много. Отец – один. Пусть и не по крови.

Это если оставить в стороне тот очевидный факт, что профессор Стерри может создать профессору Оркану немало проблем в дополнение тем, что готовит ректорша. Даже, пожалуй, больше – судя по тому, что он вчера отчитал начальницу точно девчонку.

Похоже, я колебалась слишком долго. Профессор откинулся на спинку стула вроде бы расслабленно, но я заметила, как колыхнулась магия. Точно он собирался ударить – или отразить удар. И тут же ожил дар Винсента. Кого он готовится защищать? И от кого? Я-то могу максимум тарелкой в голову запустить.

- Отпусти силу, – приказал профессор, глядя на меня в упор. – Тебе со мной не тягаться.

Да я и не собиралась вообще-то. И даже к дару не тянулась. Но прежде чем я открыла рот, он добавил:

- Твоя жена опасна, и неважно, убийца она или ведьма.

– Да вы издеваетесь! – Я вскочила, едва не опрокинув стол. И одновременно подлетел со своего места Винсент, прижал к себе, как в тот миг, когда вокруг рушились стены. И так же, как и тогда, вокруг замерцало темное пламя щита. Стерри зашипел, магия на миг притихла, опала и снова взвихрилась. Винсент развернулся, оказавшись между мной и наставником, объятья его стали железными, и все тело напряглось, точно он ждал удара в спину.

- Мальчик, отойди, – медленно проговорил Стерри. – И дай нам поговорить спокойно.

- Ты собирался ударить, а не разговаривать. – процедил Винсент, не обернувшись.

- Я лишь упреждал удар. Она хотела напасть. Смерть всколыхнулась.

- Неправда! – вскинулась я.

– Правда, – шепнул Винсент, и добавил вслух: – так бывает у новичков при волнении, тебе ли не знать.

– У новичков? Или у сильной ведьмы – настолько сильной, что ей удалось притвориться далеко не слабым некромантом?

Да у них что, соцсоревнования с инквизитором, кто больше ведьм найдет? План горит?

- Инга не ведьма.

- Я не вижу другого объяснения. Отойди.

Они тут все с ума посходили, что ли?

- Не отойду.

– Если ты думаешь, что я побоюсь тебя зацепить – ошибаешься. Лучше залечивать рану и ненавидеть меня, чем не проснуться однажды утром, или проснуться одурманенным и умереть от рук инквизиции.

Может, он не всерьез? Может, просто провоцирует? Меня или Винсента? Или нас обоих? Зачем? Но напряженные руки мужа, обнимавшие меня, показывали, что профессор вовсе не шутит.

– Нет. Через мой труп.

Они всерьез. Господи, они оба всерьез!

– Не надо, — прошептала я, пытаясь заглянуть мужу в лицо, но Винсент держал слишком крепко — не отстранишься, не вырвешься. — Не подставляйся. Пожалуйста...

– Отойди, — настаивал Стерри.

– Нет, — повторил Винсент то ли мне, то ли наставнику.

– По-моему, это вы одурманены, профессор! — Мой голос сорвался. — Не вы ли всего лишь сутки назад помогли мне опровергнуть эти нелепые обвинения?

– И очень об этом жалею. Если бы я вчера поговорил с тобой как следует... Но ты выглядела обычной девчонкой. Растерянной, напуганной. Неглупой, да. С редким даром, который стоило сохранить, особенно учитывая все обстоятельства. Даже заходя сегодня в ваш дом, я был уверен, что ты просто милая девочка, которая постарается стать Винсенту хорошей женой хотя бы из благодарности...

– Инга — не ведьма! — рявкнул Винсент, по-прежнему не оборачиваясь.

– А потом я с тобой поговорил, — продолжал Стерри, словно не слыша. — Подробно и обстоятельно. У тебя речь хорошо образованного мужчины. Или целительницы. Значит, на кладбище, где тебя подобрал Винсент, ты лишь изобразила проснувшийся дар, чтобы добыть настоящий диплом.

В огороде бузина, в Киеве дядька.

– Как одно следует из другого?

– Женщин не принимают в университеты. Для бездарей, я имею в виду. То есть либо ты получила диплом целителя — но после этого незачем изображать некроманта. Либо тебя учили справляться с кровавым даром — из ведьм выходят отличные целители — и попутно ты нахваталась знаний, которых не может быть у женщины с едва проснувшимся даром.

– Ничего я не изображала! Вы же сами видели, что мой дар — смерть! Вы же сами помогали мне со схемой, когда нужно было доказать, что никто не покушался на волю Винсента! Расчертить ее еще раз? Давайте я это сделаю. Сколько раз мне еще призвать дар, чтобы от меня, наконец, отстали с этим идиотским «ведьма»?

– Видишь ли, — голос профессора звучал обманчиво мягко. — Только полная дура будет прилюдно являть кровавый дар. Зато можно успешно притворяться кем-то другим.

– Это как? Заставить всех вокруг поверить, что они видят не то, что на самом деле, как утверждал Клаус? — Я дернулась, инстинктивно пытаясь выглянуть через плечо мужа: разговаривать, не видя лица противника, было сложно. — Он что, вас индуцировал этим бредом? Давайте, повторите за ним и то, что я разнесла факультет, чтобы отвести от себя подозрения!

Глава 8

– «Индукцировал», – издевательским тоном повторил Стерри и добавил: – Клаус сказал заведомую чушь, потому что не имел права сказать правду. Я не инквизитор, и клятвы молчать не давал, потому... Ведьмы умеют скрываться. Очень хорошо умеют. Конечно, никто не сможет одурманить всех вокруг, внушив одну и ту же иллюзию, но это и не нужно. Достаточно не пользоваться своим даром на людях. Обращаясь к другим видам магии. Стихиям. Исцелению. Или некромантии. Собственно, так и делают все ведьмы...

Да что он мне лапшу на уши вешает?!

– Так делают все маги! Бытовая магия – это смесь стихий! Исцеление, опять же!

– Тебе откуда знать, если дар проснулся пару дней назад и ты даже поучиться толком не успела?

– Винсент сказал. И исцелением он пользуется. Да хоть сегодня, внизу, вы сами наверняка заметили. Он тоже ведьмак?! – Я снова дернулась, и снова не удалось вырваться из объятий мужа. – Да пусти же ты, с этого параноика станется и тебя укокошить заодно со мной!

Винсент молча качнул головой – я не увидела движение, только почувствовала, когда подбородок скользнул по моей макушке. Все еще напряженный: тело под камзолом казалось стальным. И все так же темнел вокруг щит.

– Скажи ему правду, – посоветовал он.

– Правду? – Я горько рассмеялась. – Чтобы меня не убили на месте, как ведьму, а повесили как еретичку?

– Какую правду? – заинтересовался Стерри. – И о какой именно ереси речь?

– Я обещал молчать, – бесстрастно произнес Винсент.

– Ну что ж, молчи, – хмыкнул профессор. Продолжил сухим лекторским тоном: – Много веков ведьмы живут среди нас, оставаясь нераскрытыми. Любой дар замечен, только когда им пользуются, увидеть незадействованный дар можно лишь у непробужденных магов за месяц-два до того, как он прорвется спонтанно...

Интересно, врет или нет? Наверное, все-таки нет, иначе Винсент бы возмутился или с самого начала потребовал проверить меня магией и отвязаться, наконец.

– Считается, что ведьм истребили, и новые появляются крайне редко. Но это не так. Я не могу сказать, сколько их благополучно дожило до глубокой старости, так и оставшись невыявленными. Впрочем, тебе это наверняка известно лучше, чем мне.

Нет, он в самом деле издевается. Или держит меня за круглую дуру, неспособную увидеть в этой логике дыру, в которую КамАЗ проедет.

– Если их никто не раскрыл, откуда известно, что ведьм немало? Это как с идеальным преступлением – нельзя сказать, существует ли оно, потому что раскрытое преступление перестает быть идеальным.

Что я несу? И после этого кто-то поверит, будто я – обычная девчонка из низов? Хотя он и так уже не поверит...

– Наставник полтора века был университетским дознавателем, – сказал Винсент.

– Ну, хоть не инквизитором, – нервно хихикнула я. – Профдеформация – страшная штука.

Винсент неровно вздохнул.

– Надо было мне сразу отправить тебя спать.

– Это лишь оттянуло бы неизбежное, – заметил профессор все тем же лекторским тоном и обратился ко мне, не меняя интонации, словно ему было все равно, с кем говорить: – Потом мне надоело, но память-то никуда не денешь. Маг может пользоваться не только своим даром.

Или – исключительно не своим даром. Да, в таком случае ведьма никогда не достигнет особых высот, но когда речь идет о жизни и смерти, не до амбиций...

– Даже странно, что вы не объявили всех слабых магов ведьмаками и не уничтожили в профилактических целях, – не удержалась я от ехидства.

И снова профессор сделал вид, что не услышал.

– Поэтому обычно ведьмы получают дипломы бытовых магов: там не нужно особой силы, лишь умение. Ты решила прикинуться некромантом. Рискованно, но могло бы получиться, если бы ты не привыкла общаться с образованными людьми. Теми, кто пробудил твой дар и научил им пользоваться. Научил обращаться к другим разновидностям магии и поднимать мертвых. – Он помолчал. – Скорее всего те, кто тебя учил, не замешаны в убийствах некромантов, иначе ты не оказалась бы под развалинами, да и сегодня... Но рано или поздно ты решишь, что проще одурманить, подчинить разум напрямую, чем пытаться договориться с Винсентом, и я не намерен этого дожидаться.

Я застонала. Ну вот как, как доказать, что я не верблюд?

– Инга, – едва слышно повторил Винсент. – Расскажи правду.

– И окончательно убедить твоего наставника в том, что я ведьма? Ты сам говорил, это их ересь. – Я горько рассмеялась. – Знаешь, я в самом деле начинаю чувствовать себя ведьмой. Нашего мира. Когда женщину подозревали в колдовстве, ее связывали и бросали в воду. Утонула – можно выдохнуть, невиновна, упокой господь ее душу.

– Господь? В вашем мире? – тут же вцепился в мои слова профессор, но мне уже было все равно. Время играло ему на руку: рано или поздно Винсент устанет, отвлечется – и Стерри найдет способ прикончить меня, не убив его.

– Каким-то чудом выплыла – на костер ведьму! – продолжала я. – Вот так и со мной сейчас. Неважно, поверит ли мне твой наставник или нет, мне конец. Либо как ведьме, либо как еретичке. Достаточно сказать пару слов Клаусу...

– Этому ничтожеству? – фыркнул профессор. – Я сам с тобой разберусь.

– Я уже поняла это, спасибо. – Я ткнулась лбом в плечо мужа. Сил не осталось. Да и в самом деле, много ли у меня вариантов? Я и так наговорила достаточно. Один Господь вместо Предвечной матери чего стоит!

Я вздохнула. Попросила, не поднимая головы.

– Расскажи наставнику сам. Ты лучше его знаешь и сможешь найти слова.

Винсент коснулся губами моих волос.

– Все будет хорошо, обещаю.

Муж выпрямился, посмотрел через плечо, все еще пряча меня в объятьях, заслоняя от наставника.

– Я не смогу поднять на вас руку первым, но буду защищать свою жену любой ценой и от кого угодно. Даже от вас.

Мое сердце пропустило несколько ударов, пока профессор молчал, обдумывая.

– Хорошо. Обещаю, что не трону ее, пока мы не закончим разговор, – сказал он наконец.

– Пока вы в этом доме. Не коснетесь ни сталью, ни магией, – уточнил Винсент.

В самом деле, кто его знает, когда Стерри решит, что разговор окончен и пора переходить к активным действиям?

– Хорошо. – повторил Стерри. – Ни сталью, ни магией, ни голыми руками, пока я нахожусь в твоём доме. Обещаю. Но если объяснение меня не устроит, то, выйдя за порог, я буду действовать на свое усмотрение.

– Как и я. – Винсент, наконец, развернулся. Поддержал меня за локоть, помогая сесть. Свой стул подвинул так, чтобы по-прежнему оставаться между мной и наставником.

– Вы позволите? – Он взялся за перстень-экран.

Стерри кивнул. Муж положил на стол перстень. Я на миг закрыла глаза, стиснула чинно сложенные на коленях руки так, что заболели пальцы. Нет. Нельзя трястись. Вспомнить только, как меня саму недавно скручивало от эмоций мужа. Нельзя сейчас фонить своими, добавляя проблем. Конечно, Винсент – не я, наверняка в какой-то мере привык, как мы привыкаем к шуму оживленной трассы под окном, и все же. Но сейчас я с собой не совладаю.

Я тронула мужа за руку. Горячий, или это мои пальцы заledenели от волнения?

– Можно я возьму твой экран?

– Можно. – Муж протянул мне перстень.

– Зачем тебе? – тут же вскинулся Стерри.

Я надела кольцо на большой палец, и все равно оно оказалось великовато. Пришлось сжать палец в кулаке. Вот сейчас наверняка должно подействовать.

– Я не хочу, чтобы Винсент из-за меня сцепился с человеком, который ему очень дорог.

Профессор приподнял бровь. Я продолжала, сделав вид, будто не заметила недоверчивой иронии на его лице:

– ...если ему не удастся найти объяснение, которое вас устроит. Винсенту сейчас нужна трезвая голова. От меня наверняка несет страхом, что не может не мешать.

– Ты и это рассказал девчонке, которую знал всего ничего? – фыркнул Стерри. – Завтра от тебя начнет шарахаться весь университет, а послезавтра этот идиот Клаус решит, что нет разницы между эмпатом и менталистом.

– Я в отпуске, так что явно не завтра и не послезавтра. – Холодно заметил муж. – И я не рассказывал. Инга догадалась сама.

– Девчонка в платье служанки. Догадалась сама.

– Может быть, вы все же меня выслушаете?

– Ты прав, – Стерри откинулся на спинку стула. – Говори. Суть ее рассказа я, кажется, понял, но мне интересно, как тебя угораздило поверить в эту чушь. Или опять малафья глаза залила?

Теперь Винсент сделал вид, будто не заметил подначки.

– Я ученый, как и вы. И я не привык отвергать факты только потому, что они противоречат привычным представлениям о мире.

Винсент помолчал, собираясь с мыслями, и начал рассказывать.

Я думала, он сразу перейдет к сути, приводя какие-то аргументы, хотя какие аргументы могут быть? Все мои утверждения можно объявить вымыслом, в конце концов, предела человеческой фантазии почти нет. Научные факты, которыми я успела поделиться с мужем? Наверняка редкостный бред с точки зрения местной науки, взять хотя реакцию дознавателя на идею о мозге – вместилище разума. Тупик.

Но Винсент стал рассказывать с самого начала. С обморочного тельца на кладбище и дурацкой погони между могил. Шаг за шагом проводя наставника сквозь собственные сомнения и подозрения до того момента, когда количество неувязок достигло критического, и он вынудил меня признаться точно так же, как сейчас – сам Стерри. Не остановившись на этом, подробно рассказал о теле друга, магической ловушке и причинах взрыва.

Сразу после этого я на несколько минут потеряла нить разговора: оба так и сыпали терминами. Единственное, что поняла – как я и предполагала, обнаружить ловушку, магически обследуя труп, у Винсента бы не получилось. Это мог бы только целитель. Стихийник бы ее просто не заметил, а маг крови активировал бы взрыв при первом же касании магией, как и некромант, потому что ловушку настроили на темный дар.

– Вот так и вышло, что Инга спасла мне жизнь, – закончил Винсент, к моему великому облегчению не став рассказывать о том, что именно происходило после того, как мы оба оказались под обломками.

Профессор смерил меня тяжелым взглядом.

– Значит, помесь некроманта и целителя...

– Без магии, – уточнила я.

– Учту. Какая почка у человека располагается выше?

– В норме – левая, справа нужно место для печени. – Я почувствовала себя студенткой на экзамене. Вот только от ответов будет зависеть куда больше, чем отметка в зачетке.

– Как быстро появляются трупные пятна?

– Обычно через один-два часа после смерти. Если в помещении жарко – раньше. Если смерти предшествовала долгая агония – позже, часа через три-четыре. – Я подумала немного и добавила: – Примерно через двенадцать часов перестают исчезать при надавливании, примерно через сутки перестают менять цвет при надавливании.

– Зачем нужны легкие?

На миг я зависла. Кто его знает, до чего додумались местные физиологи? Даже если бы я и вспомнила историю развития медицины, не факт, что местная полностью повторяет земную. Впрочем... Гадать нет смысла.

– Переносить в кровь кислород из воздуха и выводить из крови углекислый газ. – На лице профессора отразилось недоумение, и я решила: терять мне нечего, даром что во рту разом пересохло от страха. – Еще они помогают выводить из тела лишнюю воду, говорить и участвуют в поддержании кислотно-щелочного равновесия.

Мда, все всё поняли, ничего не скажешь.

– Объясняй, – велел профессор.

Да, похоже, одним билетом на этом экзамене я не отделаюсь. И даже одним предметом. Знают ли они про эритроциты и гемоглобин? Или о том, зачем организму нужен кислород? А про сам кислород?

Я мысленно выругалась и начала объяснять.

Глава 9

Не знаю, сколько времени прошло прежде, чем профессор перестал переспрашивать и уточнять, откинулся на спинку стула, хмуря брови.

– Я не могу поверить тебе так же безоговорочно, как Винсент, – сказал он, наконец. – Есть вероятность, что ты предвидела подобное развитие событий и подготовилась. Или умеешь очень быстро и складно придумывать. Я не нашел явных противоречий в твоей теории дыхания, но я и не целитель.

– Предлагаете обсудить это с Магнусом Абелотом? – приподнял бровь Винсент. – А чего сразу не с генералом-инквизитором?

– Не предлагаю, – буркнул Стерри. – Магнус помчится доносить, едва услышав. Но я намерен внимательно наблюдать за твоей женой до тех пор, пока все мои сомнения не развеются. – Профессор хмыкнул. – Весьма вероятно, я умру от старости до того, как это случится.

Он потянулся и смачно зевнул.

Винсент поднялся со стула.

– Я приведу в порядок гостевую спальню.

– Не утруждайся. – отмахнулся Стерри. – Я помню, где она, и в состоянии сам расстелить себе постель. Доброй ночи.

Когда за профессором закрылась дверь, я наконец позволила себе спрятать лицо в ладони и замереть. Снова затрясло. Надо же, последние – минуты, часы, сутки? – мне казалось, что эмоции закончились, оставив лишь холодную логику знаний, но стоило профессору удалиться, как накрыло снова. Разом пересохло во рту, впрочем, это, скорее всего, не от страха – поговори-ка столько.

Да уж, ни один экзамен не стоил мне такого количества нервных клеток. Сдала ли я его? И что будет дальше? Вдруг профессор по-прежнему считает, что я опасна – уже не как ведьма, но как человек, способный неосторожным словом навлечь на себя и близких обвинения в какой-нибудь ереси? Что если в этом он прав?

Винсент тронул меня за плечо, и когда я подняла голову, протянул серебристый стакан, покрытый разноцветными эмалевыми узорами. Воздух наполнился характерным ароматом вина с легкими нотками черной смородины. Я помедлила, заколебавшись. То ли попросить воды: все-таки я хотела пить, а не выпить; то ли, наоборот, чего-нибудь совсем крепкого, чтобы упасть под стол и ни о чем не думать, та стопка, что я опрокинула в самом начале этого бесконечного разговора, давно выветрилась.

Муж едва заметно улыбнулся:

– Оно очень легкое, но даже если голова немного затуманится – ничего страшного. На сегодня все серьезные беседы закончены. Пей, я же вижу, что у тебя язык к небу приклеился.

Я не сразу решилась поднести стакан ко рту – мелко затряслись руки, казалось, разолью все прежде, чем сумею отпить хоть глоточек. Винсент накрыл мои ладони своими – как в храме, когда мы разделили вино на двоих. Как давно, кажется, это было. Меньше дня назад.

Согревшись от прикосновения, руки перестали дрожать и я, наконец, смогла сделать глоток. Да, очень легкое и очень свежее, вино утолило жажду почти мгновенно. Я вернула стакан.

– Спасибо.

Попыталась благодарно улыбнуться, но лицо словно свело судорогой, а в следующий миг, неожиданно для меня самой, полились слезы.

Винсент сгреб меня в объятия, устроил у себя на коленях, баюкая.

– Все хорошо. – Он погладил меня по волосам, спине. – Наставник поверил. Он может ворчать сколько угодно, но он поверил в твою искренность и что ты не желаешь мне зла.

Я шмыгнула носом.

– Откуда ты знаешь?

– Я же не просто так просил разрешения снять экран.

– Да, кстати, – спохватилась я. Протянула мужу перстень. – Спасибо.

Он, кивнув, сунул кольцо за обшлаг камзола.

– Надень. – Я вытерла лицо рукавом. Разозлилась на себя: сколько можно рыдать, в конце концов? Ладно в мастерской: едва спасшись от смерти, не грех и слезу пустить. Но сейчас-то чего? – Мало тебе своих проблем, еще и мои сопли.

– Не дури. – Винсент снова привлек меня к себе, и я ткнулась носом в его шею, расслабившись. – Плачь на здоровье.

Я невольно хихикнула, он тоже хмыкнул. Помолчал недолго, легонько покачивая меня в объятьях, и продолжил.

– Конечно, наставник понял, что я буду выбирать слова в зависимости от его реакции и старался себя контролировать, но даже у мертвеца есть отголоски эмоций, а уж у такого, как он... – Муж снова хмыкнул. – Словом, он очень не хотел верить, но все же пришлось. Наставник ушел донельзя озадаченным, немного встревоженным – скорее всего, не мог понять, что делать с новыми знаниями и всем, что из них следует. Но главное – он больше не воспринимает тебя как угрозу, которую нужно срочно устранить.

Словно подтверждая его слова, нахлынула такая волна облегчения, что я едва не разрыдалась снова.

– Не представляешь, как я рад, что все обошлось, – шепнул Винсент, крепче прижимая меня к себе, и я поняла, что это снова не мои эмоции. Это у мужа на миг закружилась голова, когда он позволил себе расслабиться, поняв, что не придется сцепиться с человеком, который его вырастил. Я все же всхлипнула, ощутив, насколько он в самом деле за меня беспокоился – а с виду и не скажешь – и что действительно был готов защищать меня до последнего.

Странно, сейчас-то Винсент вроде уже не сходит с ума от беспокойства, а я все равно чувствую его эмоции. Тихая радость, надежда, немного любопытства – немудрено, рассказала я много чего интересного – капля тревоги. Усталость, такая же тяжелая и вязкая, как моя: нервное напряжение порой выматывает почище физической работы.

Надо будет на свежую голову сказать мужу, что его эмпатия начала работать в обе стороны не только в постели. И что экран, похоже, блокирует только восприятие чужих эмоций, но не передачу своих.

Хотя нет, если так, мне не было бы смысла надевать перстень мужа, чтобы мой страх не мешал думать. Или это в самом деле бессмысленно?

– Не тревожься, – Винсент погладил меня по голове. – Все хорошо.

Он помолчал какое-то время. На миг мне захотелось стать маленькой и спрятаться, ведь это я виновата в том, что так вышло. Не мне захотелось – поняла я в следующее мгновение. Мужу. Уверенному в том, что он меня подставил. В каком-то смысле так и было, но, с другой стороны, кто меня тянул за язык?

– Прости. – Винсент снова погладил меня по голове. – Мне не следовало приглашать его.

– Это ты меня прости. – Надо было бы выпрямиться и заглянуть ему в лицо, но я лишь сильнее прильнула к мужу, вдохнула аромат его кожи. Коснулась губами шеи над воротом, повторила: – Прости. Мне нужно было молчать. Просто молчать, а не распускать язык.

– Притворяться душой – высокое искусство, которое не каждой дано, – хмыкнул муж. – Мне стоило отправить тебя в спальню до того, как приехал наставник, и не дать вам встретиться.

Я снова поцеловала его, едва удержавшись от того, чтобы не провести языком вдоль шеи, от ключицы к уху. Внизу живота затеплился огонек вожделения, и тут же эхом отозвалось желание мужа – пока едва заметное, как и мое. Надо же, после такого-то денька... Я заставила себя сосредоточиться на другом.

– Твой наставник был прав, когда сказал, что если бы мы не встретились сейчас, это лишь отсрочило бы события, но мало что изменило. Даже если профессор Стерри, занимаясь со студентами, не касается посторонних тем...

– Именно так, – перебил Винсент, легонько поглаживая меня по спине. – И в университете, и даже когда он натаскивал меня, во время занятий не допускалось никаких посторонних разговоров. Поэтому я и не опасался... а следовало бы.

Внутри снова заворочался червячок вины – и снова не моей. Я вздохнула.

– Мы все равно встретились бы в твоей гостиной, скорее рано, чем поздно. С тем же исходом. Твой наставник не может не замечать странности – полтора века службы дознавателем изменят личность кого угодно, это не отключить. А я не могу вовремя остановиться, когда мне подкидывают возможность пораскинуть мозгами.

– Мозгами? – вскинулся Винсент. – Ах, да...

Так, еще одна зарубка в памяти, которую стоило бы сделать полдня назад. Надо бы прислушаться и запомнить, что говорят здесь в таких случаях. Пока пусть будет «поразмыслить».

Да уж, поразмыслила так поразмыслила. Сколько же мы проговорили? И сколько всего мне пришлось вспомнить и рассказать? Профессор, кажется, вытряхнул из моей памяти даже казалось бы давно и напрочь забытое – немудрено, что сейчас черепушка кажется пустым чугуном. Стукни – зазвенит.

– Ты не злишься, – в голосе Винсента промелькнуло удивление. – В самом деле не злишься. Ни на меня, ни на него.

– Я слишком устала, чтобы злиться.

И в самом деле – глаза закрываются. Причем не только у меня. И одновременно все сильнее хочется добраться до спальни – вовсе не для того, чтобы упасть и уснуть. Я попыталась выбросить из головы мысли об этом – и снова желание мужа эхом отозвалось внутри, заставив потяжелеть низ живота. Надо что-то делать двусторонней эмпатией, вот только что?

– Тогда пойдем спать? – предложил Винсент.

Я соскользнула с его коленей, все еще держа за руку. Но прежде чем успела сделать хоть шаг, он добавил.

– Или договорим? Тебя что-то тревожит, и это не наставник – точнее, не только наставник.

Эмпат, чтоб его! Но и я сейчас чувствовала: Винсент спросил, не готовясь обидеться, что от него намереваются что-то скрыть, а искренне беспокоясь. Я поколебалась пару мгновений. Усталость брала свое, пригасив желание, но откладывать разговор, пожалуй, незачем. С чего бы начать?

– Похоже, твоя эмпатия стала действовать в обе стороны.

Я рассказала с самого начала – как меня накрыло его эмоциями, когда мы вернулись домой, и сейчас. Лицо мужа осталось невозмутимым, но я чувствовала его растерянность, которую сменила досада – ну да, одно дело, когда чужие эмоции – раскрытая книга, другое – сознавать, что сам оказался такой «книгой».

– Ты прав, я беспокоилась и беспокоюсь, – закончила я. – И колебалась, стоит ли говорить – но услышать это от меня тебе просто неприятно, а кто-то другой сможет воспользоваться этим знанием против тебя.

Его беспокойство растворилось как-то разом, словно муж нашел объяснение, которое полностью его устроило.

– Эмоции – не мысли, – безразлично пожал он плечами.

Нет, это совершенно невозможно, я ведь теперь умру от любопытства: что он там такое надумал и молчит. И ведь не спросишь напрямую. Кажется, мне тоже срочно нужна защита против эмпатии. А муж меж тем продолжал:

– Тебе я верю, а от остальных есть экран.

Да, Винсент тоже сейчас не в лучшей форме, иначе сообразил бы, что когда бешенство застило ему разум, перстень оставался у него на пальце. Или дело не в усталости, а в том, что думает он сейчас вовсе не об этой странности. На миг я словно увидела себя со стороны: затуманенный взгляд, горящие щеки, припухшие от поцелуев алеющие губы. Меня бросило в жар, и тут же обдало холодом, когда я поняла, что сейчас увидела не себя со стороны его глазами, а не то воспоминание, не то фантазию. Фантазия, слишком уж прекрасным и соблазнительным было это лицо, очень похожее, но все же не идентичное тому, что отражалось в моем зеркале. Да что ж это такое?!

Глава 10

На лице Винсента тоже промелькнула растерянность, и снова он успокоился, будто что-то для себя поняв. Впрочем, нет «успокоился» – вовсе не то слово, я буквально всем существом чувствовала, как ему хочется рвануть платье, заломив меня над столом. Я тряхнула головой, едва удержавшись, чтобы не поставить щит, отгораживаясь от его эмоций. Или уже от моих, мне ведь тоже хочется стянуть с него штаны, и кто еще кем воспользуется от души?!

Я мысленно выругалась и заставила себя сосредоточиться на разговоре: раз уж он сам поднял эту тему, надо договорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.